

УСТРОИТЕЛИ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

ВЛАДИМИР СВЯТОЙ

Создатель русской цивилизации

С. В. АЛЕКСЕЕВ

Сергей Викторович Алексеев
Владимир Святой. Создатель
русской цивилизации
Серия «Устроители Земли Русской»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14654654
Алексеев С.В. Владимир Святой. Создатель русской цивилизации: Вече; Москва; 2006
ISBN 5-9533-1624-0, 978-5-4444-8319-0

Аннотация

Русский народ веками помнил киевского князя Владимира Святославича как «ласкового», «Красное Солнышко», воспевая щедрость пиров и блеск его богатырского двора. Русская православная церковь прославила Владимира как святого. Крещение Руси – поворотный акт во всей ее истории, и потому значение совершенного Владимиром трудно переоценить. При Владимире начало уходить «варварство» (родоплеменная старина) и формировалась цивилизация. Именно при Владимире из конгломерата десятков племен стало выстраиваться целостное, управляемое одной династией государство. Современная наука называет его Киевской Русью, это единое государственное прошлое русских, украинцев и белорусов. Каждый из этих трех народов обязан князю Владимиру, каждый хранит память о нем не только в ученых трудах, но и в народных преданиях.

Автор книги – С.В. Алексеев, специалист по истории восточных славян и Древней Руси. Данный труд – одна из немногих удачных попыток воссоздать подлинно научную биографию Владимира Святого.

Содержание

Предисловие	5
Русь до Владимира	12
Ольга и Святослав	18
Сын Малуши	22
Новгород	28
Наследство Святослава	34
Олав	40
Схватка за север	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сергей Викторович Алексеев Владимир Святой. Создатель русской цивилизации

© Алексеев С.В., 2006

© ООО «Издательский дом «Вече», 2006

Предисловие

Как во стольном городе во Киеве
у ласкового князя у Владимира
начиналось пиrowанье, почестный пир,
да про всех князей, про всех бояр,
про всех сильных могучих богатырей...

Так веками помнил киевского князя Владимира Святославича русский народ. Помнил «ласкового», помнил «Красное Солнышко», воспевая щедрость пиров и блеск богатырского двора. Не прошло и шести столетий после его правления, как громкое отчество князя заместилось в народной памяти иным, вероятно, более говорящим, – «Всеславич».

Превыше же всех прославила Владимира на земле Русская церковь, добавив свою власть, но не свою, надо думать, волею, к имени крестителя Руси не прозвище, но нечто большее – Святой. Крещение Руси – поворотный акт во всей ее истории, с чем согласны и недоброжелатели. И имя Владимира по справедливости оказалось навечно связано с этим величайшим событием.

Значение совершенного Владимиром для Руси трудно переоценить. Даже человек, чуждый христианства, не может не видеть – изменилось многое в самых основах общественного бытия. Распространяется письменность, и появляются первые книги. Рождается древнерусское зодчество, и возводятся первые монументальные соборы. Вырастают и твердо стоят первые города – не просто торговые поселки и дружинные базы, а подлинные города, крупные, населенные посадским людом.

Можно восторгаться непритязательной красотой языческих капищ под открытым небом, простыми и прямыми нравами разбросанных по лесам и полям древнеславянских «градов и весей». Можно отрицать положительные стороны восприятия кириллической грамотности и включения Руси в семью народов христианской культуры (не следует, разве что, подмечать подлинную историю подлогами и вымыслами в угоду своим теориям). Так или иначе, богов каждый выбирает себе сам. Но несомненно одно. При Владимире уходит родоплеменная старина, которая, как ни суди, но для многих – «варварство». Рождается – цивилизация. Дальше – кому что нравится.

Было и еще одно. Именно при Владимире из конгломерата десятков племен, разбросанных по просторам Восточной Европы и скрепленных военной силой киевских князей, выстраивается целостное, управляемое одной династией и сознающее себя единым целым государство. Пока только выстраивается – не Владимиром строиться начато и не им закончено. Завершит работу уже Ярослав Владимирович Мудрый, создатель первых сводов писаного, единого для всей страны права. Но княжение Владимира – чрезвычайно важный этап в создании того, что современная наука называет Киевской Русью, единого государственного прошлого русских, украинцев и белорусов. Каждый из этих трех народов обязан ему, каждый хранит память о нем не только в ученых трудах, но в самом народном предании. Это – наше общее.

Владимир был не одинок в свою эпоху. Рядом с ним – другие монументальные фигуры, в истории соседних стран. Мешко в Польше, Иштван в Венгрии, Харальд в Дании, Олав в Норвегии. На исходе X века от Рождества Христова христианство властно и победительно шагнуло на Восток и Север Европы. И в каждом государстве находился правитель, отдававший новой вере всей душой и вверявший ей души своих подданных. Менявший строй жизни, творивший из племенного королевства государство цивилизованное. Но у Влади-

мира было и отличие. Те, к западу от русских границ, при всем величии своих подвигов, предпочли присоединиться к могучему целому. Польша и Дания, Венгрия и Норвегия друг за другом входят в пространство латинской культуры Средневекового Запада, обретая веру из Рима. Владимир принял ее из Константинополя – и даровал своему народу право внимать слову Божьему на родном, славянском языке. На Руси, единой, но независимой от греческой Византии, и цивилизация рождается – своя, русская.

Перечень государственных побед Владимира долог. Но не только государство, сам человек в такие века стоит на рубеже эпох. Сам Владимир, родившийся на временном изломе, одной ногой стоял в старом – не до конца, так первое время. Главной победой его явилась победа над собой, над прошлым в себе. Победа эта едва ли теряет в наш, столь непохожий (может быть) век, актуальность для христианина, ежедневно борющегося с грехом. Только ли для христианина?..

Да, путь Владимира был неровен. Кому-то сам этот факт покажется странным. И в советские, и в нынешние годы находилось немало охотников (надо полагать, людей безгрешных и совершенных во всех отношениях) позлорадствовать по этому поводу. Удивительно ли, что это порождает подчас ответную, не более справедливую реакцию у тех, кому Владимир дорог именно как Владимир Святой? Возникает желание отрицать, замолчать. Но подвижники русского православия, составлявшие первые жизнеописания Владимира, не отрицали и не замалчивали. Они показали князя таким, каким он был. Для них – победа над собой имела ценность. Те, кому такая победа кажется оскорбительной для святости, святости не понимают.

История, разумеется, пишется по источникам. Мы покажем Владимира таким, каким он в них предстает. Источников же у нас не так много. Об эпохе Владимира известно больше, чем о нем самом. И степень достоверности имеющегося очень различна.

Источники

От времен Владимира Святославича не сохранилось подлинных документов, за исключением княжеских имен на первых монетах и нескольких отрывочных надписей, мало что говорящих нам о событиях тех лет. Впрочем, недавнее обнаружение при археологических раскопках в Новгороде фрагмента Псалтыри на воощенных дощечках, относящейся еще к началу XI века (древнейшая на сегодняшний день русская «книга»!) указывает на то, что при Владимире могли уже существовать и более пространные литературные тексты. В качестве древнейшего памятника древнерусской литературы обычно вспоминают «Речь философа» – краткое изложение основ христианской веры и священной истории, адресованное будто бы именно Владимиру. Одна редакция «Речи» вошла в большинство русских летописей, другая, обрывающаяся в начале, сохранилась в единственном небольшом летописце XV столетия. Вполне возможно, что «Речь» действительно была написана для обучения князя христианству каким-нибудь южнославянским или даже уже русским книжником.

Что касается так называемого Церковного Устава князя Владимира, который мог бы быть древнейшим памятником русского писаного права, то это – по утвердившемуся в науке мнению – документ не подлинный. Его написали, впрочем, не думая о «подделке» в нашем понимании. В Церкви бытовало устойчивое предание о привилегиях, дарованных некогда святым князем, и кто-то вознамерился воссоздать перечень этих привилегий. Получилось довольно убедительно, и Устав вошел во многие сводки церковного законодательства. Однако – повторим – к эпохе Владимира он (по крайней мере большинство его редакций) имеет малое отношение.

Сомнительно и единственное относимое иногда к эпохе Владимира богословское сочинение – «Послание митрополита Леона об опресноках». Принадлежность его митрополиту

по имени Леон особых сомнений не вызывает, но современником Владимира признают этого иерарха немногие специалисты. Тем не менее для отнесения этого труда к временам Владимира оснований больше. В любом случае, написан он греком и на греческом языке. Даже славянский перевод его отсутствует.

Всего поколение спустя случившееся на памяти стариков крещение Руси описал митрополит Киевский Иларион, первый русский на митрополичьем престоле и первый древнерусский писатель. Однако его «Слово о законе и благодати» с «похвалой кагану нашему Владимиру» – не исторический труд. Иларион описывал хорошо известные события, не видя нужды вдаваться в подробности. Жаль для нас – поскольку его сведения, пусть риторически украшенные, практически свободны и от легендарных наслоений, и от разного рода временных искажений.

Русское летописание началось спустя десятилетия после кончины Владимира. Однако уже в первой половине XI века, при Ярославе Владимировиче Мудром, существовал в записанном виде свод сказаний о первых князьях-христианах – Ольге и Владимире. Из этого свода, перерабатывая его в соответствии со своими знаниями и представлениями, черпали сведения позднейшие летописцы. Основной объем доставшейся нам информации о Владимире содержался уже в Начальной летописи 70-х – 80-х годов XI века. Авторы и редакторы знаменитой «Повести временных лет» в начале XII века дополнили его лишь немногими сохранившимися в народе или при дворе преданиями. Начальная летопись дошла до нас в составе Новгородской первой летописи младшего извода, а Повесть временных лет – как начальная часть Ипатьевской, Радзивилловской и Лаврентьевской летописей.

Из того же свода преданий, а также из устных рассказов современников черпал и Иаков Мних, живший в XI веке автор первого жизнеописания Владимира – «Памяти и похвалы». Сведения этого агиографа для нас особенно ценны. Над Иаковым еще не довел летописный текст. Он пользовался теми сказаниями, которые легли в основу летописей, непосредственно. Именно Иаков сообщает, к примеру, точную дату вокняжения Владимира в Киеве, восходящую к современным ему записям киевских христиан. Его же сообщения о крещении Руси гораздо лучше согласуются с Иларионом и с иностранными свидетельствами, чем общеизвестная летописная легенда – историчная во многом, но не во всем. Иакову иногда приписывают и древнейшее краткое житие – однако оно скорее создано на основе «Повести временных лет» и церковных преданий уже в XII веке.

Естественно, что сообщают о Владимире и его времени жития других первых русских святых – княгини Ольги, сыновей Владимира князей-мучеников Бориса и Глеба, погибших в языческую пору его правления варягов-христиан Феодора и Иоанна. Новые, в том числе пространные жития Владимира были созданы в XIII веке, когда наконец завершился долгий спор о причислении крестителя Руси к лику святых. Эти жития сообщают немало любопытных и ценных деталей – верное доказательство того, что устная память о князе еще не исчезла в среде духовенства и в знатных родах Руси.

Доказывают это и летописи начала XIII века, создававшиеся на северо-востоке Руси, во Владимиро-Суздальском княжестве – Радзивилловская и Летописец Переславля Суздальского, которым следует летописный свод начала XIV века, сохраненный Лаврентьевской летописью. Радзивилловская и Лаврентьевская летописи включают целиком текст «Повести временных лет» в редакции игумена Сильвестра, созданной в 1116 году. Но и в них, и в Переславльском летописце также имеется ряд рассказов и деталей, отсутствующих в более ранних памятниках. Более того, такие детали встречаются еще и в сочинениях XV века, созданных уже после разорительного монгольского нашествия и после создания Московского государства. Впрочем, это предания уже не боярские, придворные, а скорее чисто церковные.

В XVI же веке на страницы летописей решительно, хоть на первый взгляд и отрывочно, вступают простонародные предания и былины. Здесь для историка много ценного материала по вопросу о том, каким помнили Владимира в народной толще. Но материала по эпохе самого князя гораздо меньше. Народный эпос свободно смещает временные пласты, создавая вневременной, фантастический мир древних героев. Так, «храбр» начала XIII столетия Александр Попович оказывается современником и сподвижником святого князя, а богатыри Владимира сражаются не только против печенегов, но и против пришедших к границам Руси спустя целый век половцев. К тому же поздние летописцы, склонные уже к более свободному литературному творчеству, не менее вольно заполняют пробелы в источниках собственными домыслами. Так что работа с ними – труд кропотливый и не допускающий скоропалительных суждений.

О том, какие ловушки для историка и тем более для непрофессионального читателя скрывает позднее летописание, свидетельствует история так называемой Иоакимовской летописи. Это сочинение (на самом деле не летопись, а сказание о ранней истории Руси и ее обращении в христианство) сохранилось только в окончательной редакции «Истории Российской» В.Н. Татищева, виднейшего русского историка XVIII века. Кое-кто и сейчас допускает, что Иоакимовская летопись – подлинные записки Иоакима, первого епископа Новгородского и современника князя Владимира. Однако автор с первых строк отнюдь не выдает себя за Иоакима, а лишь ссылается на него как на осведомленный источник. Среди специалистов-историков особых разногласий нет – «летопись» по языку и содержанию является памятником второй половины XVII или даже первой половины XVIII века. Ее составитель использовал как русские, так и печатные польские и немецкие источники того времени. Причем среди русских источников за записи Иоакима «летописец» принял нечто намного более позднее. Достаточно сказать, что крещение Руси связывается нашим Псевдо-Иоакимом с именем болгарского царя Симеона, каковой почил за полвека до этого события.

Историки много спорят об источниках и степени достоверности Иоакимовской летописи. Спорят и о творческом вкладе самого В.Н. Татищева. Вклад этот несомненен – текст летописи в черновой и белой рукописях Татищева не совпадает. Под пером историка появились новые, более «литературные» обороты и целые фразы. Однако в советские годы господствовало признание Иоакимовской – единственного источника, нарисовавшего картину крещения Новгорода «огнем и мечом». При этом не обращалось много внимания на показания самого Татищева о происхождении «летописи».

После написания первоначального текста первого тома «Истории» Татищев пришел к выводу, что Несторова летопись «полной и ясной древней истории» обеспечить не может, и стал искать дополнительные источники. Среди тех, к кому он обратился за помощью, был его свойственник, архимандрит Мельхиседек Борщов. Через некоторое время Борщов прислал Татищеву письмо, в котором поведал о «монахе Вениамине, которой о собрании русской истории трудится, по многим монастырям и домам ездя». Тот «немало книг русских и польских собрал» и, неохотно сдавшись на уговоры Борщова, подарил ему один текст. Это и был утерянный ныне оригинал Иоакимовской «летописи». История, рассказанная Борщовым, не вызывала бы сомнений, но сам Татищев выдает подлинного автора с головой. «Вениамин монах, – замечает историк в примечании к письму Борщова, – токмо для закрытия вымыслен».

Иными словами, единственным поставщиком «летописи» и ее очевидным автором являлся сам Борщов. Татищев отнесся к полученному сочинению соответственно. Он почти совсем не прибегал к нему в новой редакции тома и только привел текст почти целиком в источниковом обзоре. При этом Татищев отметил, что составлена «летопись» с использованием поздних польских хроник. Таким образом, прав был первый критик Псевдо-Иоакима, знаменитый русский историк начала XIX века Н.М. Карамзин – сам Татищев «не мыслит

обманывать». Иоакимовская, к созданию которой он невольно побудил Борщова, была для него ценна лишь как способ изложения своих «догадок». На время – пока, в чем был уверен Татищев, не отыщется «полнейшая история». Другое дело, что и в XVIII, и в XX веке нашлось немало охотников обмануться.

Возможно, впрочем, что при создании своей «летописи» Борщов использовал, в том числе, и не дошедшие до нас источники, среди них и довольно древние (скажем, новгородские сказания XIII–XV вв.). Однако разбираться в этом – труд длительный и кропотливый. Далее мы попытаемся рассмотреть, есть ли в уникальных свидетельствах Иоакимовской (особенно в рассказе о крещении Новгорода) хоть какое-то историческое зерно. Сейчас отметим одно – даже источники ее не могут восходить к X веку. Это не записки современника, а поздний памятник, почти мистификация. И хороший пример того, с какой осторожностью следует относиться к историческим сочинениям позднейших эпох, особенно тогда, когда их подлинные источники мы установить не в силах. Потому и говорилось об этом столь подробно.

О Владимире немало повествуется в иностранных хрониках. Прежде всего, это хроники немецкие. Две великие европейские державы того времени, Священная Римская империя и Русь, находились в тесных дипломатических связях. В Германии внимательно следили за происходящим на востоке Европы. Западная церковь отправляла туда своих миссионеров – другое дело, что они не слишком преуспели. Основной массой свидетельств современников о Владимире мы обязаны именно немецким хронистам и церковным писателям. Западная и Восточная церкви в ту пору еще не порвали друг с другом, и свидетельства «западных» о Руси и ее крестителе подчас весьма доброжелательны.

Любопытные, хотя сильно искаженные свидетельства о Владимире сохранились у историков мусульманского мира. Они, помимо прочего, однозначно подтверждают достоверность русского летописного рассказа о выборе вер – правда, вопреки ясной исторической истине и всем другим источникам, решают исход этого выбора в пользу ислама. Зато труды арабских хронистов-христиан не только излагают события верно, но и существенно дополняют скудные замечания византийских писателей и легендарное повествование русской летописи.

Парадоксально, но факт – среди византийских источников о Руси Владимира повествуют очень и очень немногие. Вскользь упоминаются лишь отдельные факты русско-византийских отношений. И это во времена крещения Руси, как будто важнейшего для этих отношений события! Сам Владимир упоминается только четырежды в двух византийских хрониках XI–XII веков. Причем в половине случаев лишь при описании событий после своей смерти, в связи с деяниями наследников. Уже в позднее Средневековье, в канун османского завоевания Византии, какой-то греческий писатель на основе русских летописей и житий составил сказание о крещении Руси. Там Владимир, разумеется, фигурировал. Но ценность этого обильного на ошибки и путаницу памятника как самостоятельного источника стремится к нулю. Похоже, что, дав Руси христианство, Византия сама не оценила значимости этого события. О том, почему так произошло, еще пойдет речь. Здесь же хотелось бы отметить, что важность византийских свидетельств, пусть отрывочных, все равно очень велика. Как бы то ни было, они опираются на прочную базу записанных показаний современников, способны поправить ошибки и заполнить пробелы русских летописей.

Наконец, в нашем распоряжении есть скандинавские саги. Материал благодатный в том смысле, что позволяет увидеть события так, как видели их сами люди Средневековья. Во всех деталях, в живых красках и речах. Однако записывались саги, даже самые древние, спустя века после кончины Владимира. Уже то, что его имя и вообще сведения о родословии русских князей сохранились в сагах, указывает на их общую достоверность. Но о поздней записи саг, о веках устного предания за любым саговым текстом следует помнить всегда,

когда мы читаем их живописные свидетельства. В целом же саги и другие скандинавские памятники – источник по истории Руси ценнейший. Связи между соседями через Балтику были весьма тесны, и влияние Руси на норманнов было не меньшим, а то и большим, чем воздействие самих северных мореходов на Русь. Имя же Владимира оказалось в исторической памяти скандинавов неразрывно связано с его современником, крестителем Норвегии Олавом I. Разные версии «Саги об Олаве Трюггвасоне» и есть основной скандинавский источник о временах русского князя.

При таком состоянии источников неудивительно, что изложение эпохи Владимира порою переходит в разгадывание исторических «головоломок». Что же, занятие это увлекательное и полезное для любого читателя, любящего историю. Поэтому не станем избегать и этого, по необходимости. Пусть читатель вместе с автором и сам судит, какие из расходящихся подчас довольно далеко исторических версий выглядят более убедительно и достоверно.

Итак, вот источники наших знаний о Владимире и его времени. Ниже указываются использованные автором их издания. Все цитаты даются по этим изданиям. Древнерусские тексты везде даются в переводе автора этой книги.

Полное собрание русских летописей:

Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997.

Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998.

Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.

Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. М., 2000.

Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000.

Т. 15. Рогожская летопись. Тверской сборник. М., 2000.

Т. 27. Сокращенный летописный свод 1495 года. М., 1962.

Т. 38. Радзивилловская летопись. Л., 1989.

Т. 41. Летописец Переяславля Суздальского. М., 1995.

Т. 42. Новгородско-Карамзинская летопись. М., 2002.

Татищев В.Н. История Российская. Т. 1–2, 4. М., 1994–1995.

Древнерусские княжеские жития. М., 2001.

Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития. М., 1915.

Святые князья-мученики Борис и Глеб. СПб., 2006.

Слово о Законе и Благодати // Памятники литературы Древней Руси. Т. 12. М., 1994.

Бенешевич В.Н. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 2. Пг., 1920.

Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976.

Высоцкий С.А. Древнерусские граффити Софии Киевской. Вып. 1. Киев, 1966.

Сотникова М.П. Древнейшие русские монеты X–XI вв. М., 1995.

Ioannes Scylitzae Synopsis historiarum. Berlin – New York, 1973 (научное издание текста «Обзора историй» Иоанна Скилицы).

Ioannis Zonarae Epitome historiarum. Bonnae, 1897 (научное издание текста «Краткой истории» Иоанна Зонары).

Лев Диакон. История. Перевод М.М. Копыленко, комментарий М.Я. Сюзюмова, С.А. Иванова. М., 1986.

Михаил Пселл. Хронография. Краткая история. Перевод и комментарии («Хронография») Я.Н. Любарского. СПб., 2003.

Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. М., 1993 (серия «Древнейшие источники по истории народов Восточной Европы» (ДИ)).

Назаренко А.В. Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2000.

Свердлов М.Б. Латиноязычные средневековые источники по истории Древней Руси. Германия. Вып. 1–3. М. – Л., 1989–1990.

Щавелева Н.В. Польские латиноязычные средневековые источники. М., 1990 (ДИ).

Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длugoша. М., 2004 (ДИ).

Глазырина Т.В. Сага об Ингваре Путешественнике. М., 2002 (ДИ).

Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Т. 1. М., 1993 (ДИ).

Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. М., 2001 (ДИ).

Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. М., 1974.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о народах Восточной Европы. Вып. 1–2. М., 1964–1967.

Император Василий Болгаробойца: Извлечение из летописи Яхьи Антиохийского / Пер. В.Р. Розена. СПб., 1883.

Кримський А., Кезьма Т. Оповідання арабського історика XI віку Абу Шоджі Рудраверьського про те, як охрестилася Русь // Ювілейний збірник на пошану академіка Д. Богалія. Київ, 1927.

Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв. М., 1963.

Русь до Владимира

В первых десятилетиях X века политическая карта Европы решительно изменилась. На северных и восточных ее «окраинах», там, где прежде жили разрозненные племена, являвшие то страшную угрозу, то, напротив, легкую добычу для цивилизованных соседей, теперь строились новые государства. Государства, уступавшие державам старой, обладавшей античным наследием Европы лишь прочностью, но не силой. Они по-прежнему грозили Югу и Западу, – славяне, норманны, венгры, – но вот покорять их становилось делом совсем не легким. А значит, вся система международных связей, которую даже вчерашние «варвары»-германцы строили по привычной модели «римского мира», – вся эта система неизбежно перестраивалась.

Большинство новых держав, родившихся из пестроты племенных королевств и княжеств, были славянскими. А из славянских самым мощным и крупным оказалась Русь. Огромная страна, почти внезапно раскинувшаяся на равнинных просторах Восточной Европы, от далекой Балтики до Черного моря. До древнегреческого Эвксинского Понта, теперь – столь же внезапно для древних городов своего побережья – обернувшегося Русским морем. Русь решительно ступила на международную арену раннего Средневековья. И с первого шага, еще в IX веке, заставила считаться с собой самого древнего и сильного из соседей – Византийскую империю.

Так выглядело извне. Такой взгляд – отчасти неизбежность для историка минувших эпох, в распоряжении которого из современных событиям источников находились преимущественно иностранные. Но современная наука вооружена новыми средствами для воссоздания истории бесписьменных тысячелетий. Вдумчивое, на огромном поле сопоставлений, изучение сохраненных средневековыми летописями и хрониками, сказаниями и сагами устных преданий. Богатейший и обогащающийся с каждым годом материал археологов. Исследование исторических изменений в языке. И многое, многое другое. Так что сейчас мы можем посмотреть на рождение первых государств Восточной и Северной Европы и изнутри.

Ничто не появляется внезапно. Ни один, сколь угодно талантливый, вождь и полководец не создаст державу на пустом месте. Века неспешной, «молчаливой» для нелюбознательных истории «варварских» племен, многие из которых оставались напрочь неизвестны античным писателям и географам – подготавливали бурное начало их Средневековья. По крупницам, шаг за шагом, воссоздается перед глазами потомков величественный процесс рождения новых жизненных устоев, новой культуры, нового общества.

Современные ученые могут видеть – пусть не во всех деталях – как из гущи родовых поселений выделяются первые укрепленные «грады», центры племенной власти. Как отдельные племена сплавиваются в обширные, охватывающие нередко огромные пространства племенные союзы. Как выборные сначала князья становятся наследственными правителями своих «волостей», как они обретают собственные дружины и даже подобие администрации. Уже в конце VI и в VII веке мы можем с уверенностью говорить о зарождении государственности у славянских племен, разбросанных по просторам Восточной и Центральной Европы. О том, что первобытность начинает сменяться у них новым общественным строем.

К IX–X векам уже завершилось деление славян на три всем известные ветви – западных, восточных и южных. Восточные славяне были объединены примерно в дюжину племенных союзов, каковые и стали теми «кирпичиками», из которых сложилась Древняя Русь.

Самый север будущей Руси, земли между Ладожским, Чудским и Белым озерами, чересполосно заселяли кривичи и ильменские словене. Кривичи были первыми пришель-

цами в эти края, пришедшими в далекие земли от тревог Великого Переселения народов еще в V столетии. Их древняя столица – Изборск, называвшийся ранее Словенском, то есть славянским, – самый старый из градов северных земель. Рядом с ним, на реке Великой, из смешанного селения кривичей и местных финнов, «чуди», подрастал и новый град – Псков. Кривичи широко расселились к югу, заняв огромную территорию от среднего течения Западной Двины до самого Помосковья на востоке. Там возникли особые племенные «княжения» с центрами в Полоцке и Смоленске.

На озеро Ильмень словене пришли из славянских земель к югу от Балтики чуть позже, уже в конце VII века. Они стали смешиваться с кривичами, а вскоре и стали сильнейшим племенным союзом севера. Столица словен не раз переносилась из-за войн и эпидемий. Первой был Холмгород, ставший «Хольмгардом» скандинавских саг – так еще века спустя норманны называли Новгород. Потом, в IX веке, появилось «Рюриково» городище – резиденция князя, возглавлявшего пестрое дружинное братство из славян, норманнов и финнов. Наконец, в 30-х годах X века из трех племенных поселков – словенского, кривичского и чудского – на Волхове, чуть севернее, рождается Новый Град, Новгород, нынешний Новгород Великий. Еще один старый град в словенской земле появился почти на два века ранее при впадении Волхова в Ладожское озеро. Ладога, норманнская Альдейгья, была то базой заморских викингов, то опорой в сопротивлении им, но всегда – местом встречи славянской, норманнской и финской культур. Из новгородской округи потоки переселенцев направлялись на восток, в земли туземных финских племен – белозерской веси, или вепсов, ростовской мери, и еще дальше. На освоенных землях «рубилась» славянские грады, возникали новые «княжения», а разноразличные народы начинали смешиваться друг с другом, как это произошло уже на Ильмене и Волхове.

К югу и юго-востоку от кривичей жили два «рода», связанных между собой братским союзом – настолько тесным, что родилось предание о происхождении их от двух братьев, Радима и Вятка. Радимичи «сидели» по Сожу, между Днестром и Десной, а вятичи – дальше на северо-восток, по Оке. Эти земли долго сохраняли свою особость, упорно противостоя всем попыткам простереть на них извне свою власть. Впрочем, могущественной кочевой державе, Хазарскому каганату, удалось на время покорить вятичей – и это тоже обособило их от соседних славян.

По оба берега Среднего Днепра жили поляне. История славян в этих землях уходила в глубь веков, но сам полянский союз сложился из «родов» разного происхождения только в VII–VIII веках. Тесные узы связывали славян с племенами, жившими и к западу, и к югу и востоку от них. А это превращало их в естественных объединителей всего южного пояса славянских племен. Стольным градом полян являлся Киев, названный в честь легендарного основателя Кия, выстроенный не позже начала VIII века на давно уже заселенных славянами Киевских горах. Хазары на какое-то время обложили данью и Киев, но поляне довольно быстро сбросили их власть.

Племена западнее славян – сидевшие в лесах к западу от Киева древляне, жившие в заболоченном Припятском Полесье дреговичи, бужане-воляныне на Западном Буге – восходили к общему корню древних дулебов, некогда владевших землями от Буга до Днепра. Дулебское княжество рухнуло под ударами кочевников в VII веке, и теперь потомки дулебов не без ревности наблюдали возвышение окраинного Киева. Особенно опасными соперниками полян оказались древляне, и ранняя киевская история полна войн с ними.

Жившие к востоку и югу от полян племена относились к другому родовому гнезду – древних антов, в жилах которых текла кровь не только славян, но и древних скифских и сарматских кочевников. Здесь главными соперниками полян явились угличичи, или уличичи, сидевшие южнее их по Днепру, за рекой Углом. В 30-х годах X века, разбитые киевскими дружинами, стесняемые сборщиками дани и набегами кочевников печенегов, угличичи пере-

селились на запад, к своим сородичам и союзникам тиверцам, жившим по Днестру и Пруту до нижнего Дуная, на нынешних землях Молдавии. Но натиск кочевников и там не оставил их – и углича, и тиверцы постепенно покидают только насиженные места, отступая на север.

К северо-востоку от Киева, в глубь Левобережья, простирались земли северы – одного из самых обширных славянских племенных союзов. Самые обширных, но, судя по всему, не самых сильных. Севера платила дань хазарам, а затем обрела независимость от них под рукою киевских князей. Неясно, как долго сохраняла она князей собственных – к концу X века ей уже наверняка управляли из полянского левобережного града Чернигова.

Наконец, далеко на западе, к северу от тиверцев, в верховьях Днестра и в Карпатах жили хорваты, точнее, белые хорваты, – восточный осколок древнего антского племени, дальняя родня хорватов балканских. Судьбы хорватов примерно на столетие оказались связаны с Моравским, а затем и с Чешским государством – одним из племенных княжений, составивших древнюю Чехию, изначально было княжество западной ветви тех же хорватов. Только Владимиру суждено было, завершая объединение восточнославянских племен, включить хорватов в состав Киевской Руси. Пока до этого еще далеко.

И вот в IX столетии среди всего этого племенного многообразия появляется и вскоре поднимается над ним новое восточнославянское единство – Русь Рюриковичей. По поводу происхождения и династии, и названия «Русь» спор идет много лет. Не вдаваясь в эту сложную тему здесь, отметим лишь, что будь Рюриковичи славянами или скандинавами, государство возникло бы на Руси одновременно с другими славянскими, в силу одних и тех же внутренних законов. Скандинавы же, шедшие, самое большее, вровень со славянами в своем развитии, не могли принести им ничего принципиально нового.

Скорее всего, правы те ученые, – это подтверждается и именами первых русских князей, – кто считает, что в жилах Рюриковичей текла норманнская кровь. Но только ли норманнская? Ведь датская и шведская королевские династии возводили свое происхождение к князю «Радбарду», княжившему в восточнославянском «Хольмгарде», где-то в районе будущего Новгорода, еще в начале VIII века... «Варварские» народы Древнего Севера жили по своим законам, далеким от нынешних понятий о «национальном». Они свободно роднились между собой и признавали власть родичей своих вождей, независимо от «языка» – хотя, конечно, не совсем без учета. Иноземное происхождение правящего рода было скорее предметом гордости. Когда речь заходила о власти, делению «свой – чужой» нередко приходило на смену деление «знатный – незнатный». А что лучше удостоверяет знатность, как не родство со знатью иных «родов» и тем более «языков»? Как бы то ни было, уже во втором от Рюрика поколении династия стала вполне «славянской». Сын Игоря Рюриковича носил славянское имя Святослав, двое из троих его сыновей тоже получили славянские княжеские имена – как позже и одиннадцать из двенадцати сыновей Владимира.

Так или иначе, но в течение IX – первой половины X века русские князья со своими разноплеменными дружинами покорили и обложили данью целый ряд племен. Резиденцией своей князь Олег в конце IX века избрал Киев, и в нем княжил сменивший его Игорь Рюрикович. Племенное название киевских полян постепенно уходило в прошлое, и они сами стали называть себя «русью». С другой стороны, молодая династия, не связанная с племенной ограниченностью, неплохо работала на объединение страны. Но потому же объединение это везде встречало протест и сопротивление. Племенная знать и местные князья ревниво отстаивали свои привилегии.

Но ставили ли сами первые Рюриковичи единение Руси своей задачей? Так можно было бы решить, читая созданные при их далеких потомках, в выстроенном уже государстве русские летописи. Но внимательное изучение и самих летописей, и иных источников свидетельствует – о подлинном объединении говорить еще рано. Первые русские князья во многом еще оставались военными вождями. Главными целями их являлись независимость,

собственная слава и обогащение дружины. Потому, отстаивая от захватчиков Киев и окрестности, остальное время они проводили в далеких походах, отправляясь сами или рассылая дружины от Каспия до Константинополя, либо облагая данью соседние племена. Уплатой дани и посылкой войск в особо масштабные военные предприятия зависимость племен от Рюриковичей и ограничивалась. Никакой постоянной «администрации» на местах пока не было.

Потому и Русь к середине X века представляла собой еще не подлинное единое государство, а огромный конгломерат полунезависимых племенных союзов, по удачному научному определению, «суперсоюз» восточнославянских племен. Помимо Рюриковичей, много здесь было «всякого княжья». Делилось оно на две категории – родичи Рюриковичей, сидевшие в захваченных ими градах, таких, как Чернигов, Полоцк, Ростов и некоторые другие, и местные племенные вожди, сохранившие власть на условиях уплаты дани. Каждый из многочисленных князей Руси и некоторые княгини отправили собственных послов для заключения договора с Византией в 944 году, так что историки получили в свое распоряжение объемный список из более чем двух десятков княжеских имен – настоящую головоломку, поскольку ни одно из них (кроме Игоря Киевского, его жены Ольги и сына Святослава) в летописях более не встречается.

Связывал Русь воедино грандиозный ритуал полюдья, имевший и политическое, и религиозное значение. Издревле славянский князь как духовный и светский глава племени объезжал подвластные пределы, собирая дань с общин, охотясь, заключая при необходимости браки с представительницами местной знати. Теперь великий князь русский выезжал из Киева в конце осени, после завершения военного и торгового сезона, в долгое «кружение» по землям покоренных племен. Собранное во время полюдья по весне отправлялось великим путем «из Варяг в Греки» на юг, в Византию – если с ней был мир.

Игорь Рюрикович «кружил» по землям киевских полян, древлян, дреговичей, кривичей и северы. Брал он дань и с пограничного западнославянского племени лендзян, населявших земли непосредственно к западу от Западного Буга, будущую «Червонную Русь». На севере было свое полюдье. Ильменские словене сохраняли почти что независимость даже тогда, когда в Новгороде сидел киевский наместник. Святослав, сын Игоря, княживший в Новгороде, сам собирал дань со словен и соседних финно-угорских племен – мери, весивепсов, эстов-чуди (в нынешней Эстонии). Весной, с новгородскими ладьями, положенная доля дани отправлялась в распоряжение киевского князя.

Размеры дани четко установлены не были. К тому же князь мог передать ту или иную подвластную землю в кормление удачливому полководцу, ее покорившему. Так одарил Игорь своего воеводу Свенельда – сначала данью угличей на правом берегу Нижнего Днепра, а затем и данью древлян. Деревская дань и погубила князя. Оставшись после неудачной войны и не слишком выгодного мира с «нагой» и униженной дружиной, Игорь вернул себе деревскую дань, да еще и взял ее в двойном размере. Вернувшись затем с небольшим отрядом, чтобы взять еще, он был разбит и захвачен древлянами под предводительством местного князя Мала. Игоря привязали к двум согнутым деревьям и разорвали надвое, после чего погребли останки у древлянской столицы Искоростеня.

Вдова Игоря, Ольга, сурово отомстила за мужа. Мал пытался взять ее в жены и расправиться с наследником киевского трона – Святославом. В отплату за мужа и защищая сына, Ольга хитростью истребила немалую часть деревской знати. Затем киевское войско выступило на Искоростень и захватила его. Древлянское племенное княжение погибло. Дань с деревской земли была поделена между Ольгой и Святославом. Ольга же стала правительницей Игорева наследства.

Ольге принадлежит заслуга упорядочения управления страной, создания первой системы местного управления, подчиненной центру. Во время первого своего полюдья она

установила четкие размеры дани – «уроки» – и места ее сбора – «погосты» с постоянными насельниками из княжеской дружины и челяди. Впервые был установлен прямой сбор дани с Новгородской земли, где теперь не было своего князя – Святослав переехал к матери в Киев. Итак, Ольга по праву может считаться создательницей единой и цельной государственной власти на Руси.

Но до единства было все равно еще далеко. Начать с того, что большинство племен не считали себя ничем обязанными тому князю, который не взял с них дань войною. Так «затворялись» от Игоря после Олега древляне. После Игоря отпали лендзяне. В земле западных кривичей, в Полоцке, объявился некий пришелец из-за моря Рёгнвальд (по-славянски Рогволод), захватил град и стал в нем князем. Кривичи не все отпали от Ольги, которая сама была родом из-под Пскова, но часть их земель оказалась потеряна. Еще один варяг, Торир (Туры), видимо, со славянской в основном дружиной, спустился в землю дреговичей, поставил здесь град, названный по его имени, но и вполне по-славянски Туров. Дреговичи также отпали от Киева. Когда произошли эти события, точно сказать затруднительно – ясно, однако, что западные земли были утрачены в течение правления Ольги и Святослава.

Итак, государством Русь Игоря и даже Ольги была еще строящимся, но не построенным. До Ольги единственной «государственной властью» являлись князья с их дружинами, а единого аппарата управления в центре и на местах не существовало. Заслугой первых Рюриковичей стало международное признание Руси, заключение первых договоров с Византией. Но границы владений киевских князей еще не устоялись. Лишь реформы Ольги более или менее закрепили их. Но и они, будучи важным шагом, не стали шагом последним. На Руси еще не существовало одного из важнейших признаков сложившегося государства – единого для всей страны писаного права. «Закон русский» был правом обычным, устным, и на местах действовали собственные, племенные нормы. Все это лишний раз доказывает, что подлинное значение деятельности легендарного Рюрика, Олега и Игоря было не столь уж велико. Их деяния – лишь эпизод в долгой истории устройства государства на Руси, истории, начавшейся за столетия до них, а завершившейся спустя еще два века.

Только строилась и восточнославянская цивилизация. Грады еще лишь начали превращаться в подлинные города, и во второй половине X столетия лишь два из них вполне подходят под это определение – столицы сильнейших княжеств, Киев и Полоцк. Это единственные укрепленные торгово-ремесленные поселения, чья площадь превышала 10 гектаров – рубеж во многом условный и бесконечно отстающий от нашего нынешнего представления о «городе». С причинами роста Киева все в целом понятно. Взлет же Полоцка – вероятная заслуга «находника» Рогволода, который обеспечил своей столице независимость от «матери городов русских» и процветание на важнейшем торговом пути по Западной Двине. Главный соперник Полоцка – Новгород – был моложе и только еще складывался из нескольких торговых поселков. К тому же князья – что весьма важно, ибо главными распорядителями и организаторами международной торговли были на Руси в ту пору они, – чаще жили не в самом Новгороде, а в близлежащем «Рюриковом» городище. При Ольге же князя на севере вообще не было. В итоге путь по Западной Двине, связывавший Русь и Скандинавию не хуже Невы и Волхова, на какое-то время стал привлекательнее для купцов.

На Руси уже появилась письменность – правда, пока не книжность. Древнейшая надпись на глиняном сосуде «ГОРУХША», указывающая то ли на содержимое, то ли на имя гончара или владельца, относится примерно ко времени Ольги, к середине X века. Хотя возможно, что кириллицей были записаны уже славянские тексты договоров с Византией в начале X века. Письмо пока входило в обиход медленно. Действительно важная, имеющая священный смысл информация веками у разных народов Земли передавалась изустно, не нуждаясь в какой бы то ни было «записи». Так что языческим жрецам и хранителям преданий в письме особой нужды не было – пусть даже скандинавские соседи и использовали

издавна руны именно для записи заклинаний (опять же не «историй»). Носителями и распространителями созданного в христианских Моравии и Болгарии славянского письма стали, что логично, именно первые христиане Руси. Уже в IX веке кто-то из них ради перевода Писания попытался в греческом Херсонесе создать собственную систему письма – еще до святого Кирилла, который познакомился с ней.

Христиан на Руси становилось в X веке все больше. Еще между 789 и 813 годом первый известный нам по имени русский князь Бравлин, придя походом на Крым с далекого севера, из окрестностей будущего Новгорода, крестился в греческом Суроже. Позднее крещение нередко принимали русы, торговавшие или служившие в Византии, подолгу жившие там, особенно в Херсонесе. В 866 году, после заключения очередного мира с Византией, на Руси была создана уже христианская епископия. В Киеве была построена деревянная соборная церковь в честь Ильи Пророка – одного из самых почитаемых с тех пор на Руси святых. В 874 году крестился киевский князь – как полагают, это был Аскольд. После коварного убийства его Олегом на Аскольдовой могиле некий Ольма построил церковь Святого Николая – другого «народного» святого Руси.

Новый период мирных отношений с Византией после войн Олега дал бурный прирост киевской христианской общине. Возможно, в условиях периодических вспышек вражды с Империей она перешла под патронат Болгарской церкви. Во всяком случае, именно Болгария, родина «кириллицы», стала для Руси источником азбуки и переписанных ею книг. В этом и заключался искомый многими «болгарский след» в крещении Руси. К середине X века в самой дружине киевских князей было немало христиан. А в 957 г. во время посещения Константинополя еще до того покровительствовавшая христианам и державшая при дворе священника Ольга приняла крещение от самого императора Константина VII. Вернувшись в Киев, Ольга разрушила главное киевское капище Перуна на княжеском «теремном дворе». При Ольге в Киеве появилась третья христианская церковь – деревянный храм в честь святой Софии, Премудрости Божьей. Построен он был еще до ее крещения, в 952 году.

Однако христианство с трудом пробивало себе дорогу. Ольга не навязывала веру своим подданным. Между тем большая часть дружины смотрела на религиозные новшества княгини с сомнением и подозрением. Вождя языческая партия нашла в сыне Ольги, Святославе.

Ольга и Святослав

Спор этих двух ярких личностей весьма показателен для русской истории тех веков. В лице Ольги и Святослава столкнулись – старое и новое. И, как ни парадоксально это выглядит, представителем старого выступил именно сын, молодой Святослав. Впрочем, парадоксально это только на первый взгляд. Княгиня Ольга по самой своей природе была чужда патриархального воинского мира славянской дружины. Она доказала дружинникам право на власть, отомстив за убитого мужа. Но идеальным дружинным вождем Ольга стать не могла, да, судя по ее реформам, и не стремилась. На смену бесконечному грабежу своих и чужих она ввела подлинно государственную политику – непривычную для большинства. Принятие чуждого опять же большинству киевской знати христианства явилось последним доказательством того, что княгиня противопоставляет себя воинственной дружинной «руси».

Святослав же, сын Игоря, законный князь, был естественным вождем и заступником старины. Тем паче, что вырос он заправским воителем, любящим ратные дела и ищущим их – достойный наследник своих отцов и дедов, и славянских, и норманнских. Как «великий и светлый князь киевский», он являлся главой языческого религиозного культа. Потому надо полагать, что славянские жрецы и волхвы внесли в воспитание юного князя не меньше, чем дружинники отца.

Итак, когда Ольга вернулась из Константинополя, разногласия ее с сыном стали явными. Мы не знаем наверняка, сколько лет тогда было Святославу. Вопрос этот крайне запутан, и мы вернемся к нему в связи с не менее запутанным вопросом о времени рождения Владимира. Однако в конце 950-х годов киевский князь был уже достаточно взрослым, чтобы открыто воспротивиться материнской воле. Впрочем, справедливости ради отметим, что речь шла скорее не о прямо выраженной воле, а о советах. Ольга упраскивала сына креститься. Но тот наотрез отказался. «Дружина моя, – заявил Святослав, – смеяться начнет». «Если ты крестишься, – возражала Ольга, – и другие сделают то же». Она прекрасно понимала, что в глазах славянина-язычника авторитет князя в делах веры непререкаем, и последующая история оправдала это предвидение. Но Святослав, поддерживаемый отцовской дружиной под предводительством воеводы Свенельда, упорствовал. Впрочем, он не запрещал креститься желавшим этого и не мешал им ничем, кроме издевок – то есть того, чем пугал сам себя.

Чтобы лучше понять отношение киевской воинской знати к христианству, следует вспомнить, что новая вера пришла из Византии – для киевских дружинников если не вечного, то наиболее вероятного врага. И наиболее вероятного источника военной добычи. Война кормила дружину гораздо вернее и щедрее дани. Война – ядро всей культуры языческого «варварского» мира, мать единственно признаваемых в нем, воспеваемых в эпосе воинских добродетелей. А христианство проповедовало мир – или, самое большее, разрешало войну справедливую. Впрочем, совсем не факт, что о последнем языческая дружина имела сколько-нибудь четкое представление. И тогда, и потом противников христианства при княжеском дворе раздражало миролюбие новой веры. Они опасались, что принятие христианства полностью покончит со внешними войнами – и разорит их.

А Ольга как будто взялась оправдать эти опасения. За все время ее правления (прежде чем Святослав окончательно вырвался из-под материнской опеки) ни одной замеченной источниками внешней войны не было. Ольга даже не отправила русских наемников на помощь новому союзнику, Константину VII. Она поддерживала мир с Византией, отправляла послов на запад, к германскому королю – иными словами, расширяла дипломатические связи Руси вместо того, чтобы достойным, по мнению дружины, образом эту дружину кормить.

Добавил киевской знати неприязни к христианству, возможно, и еще один эпизод. Ольга была миролюбива, но тщательно оберегала независимость своей страны. Когда Константин потребовал после крещения фактически признания Русью верховной власти византийского императора, то получил резкую отповедь. Ольга сохранила мир с Империей, но только на равных. Обеспокоенная, однако, посягательствами Царьграда, она обратилась за новым епископом на Запад. В то время Церковь еще была едина, существовавшие между Римом и Константинополем богословские разногласия оставались не понятны и не известны большинству верующих. Что касается Болгарии, то церковная связь с нею, если и имела, то, вероятно, недолго и уже прервалась. Отношения между двумя сильнейшими славянскими государствами всегда оставляли желать лучшего. Так что в обращении русской княгини, стремившейся упрочить независимость своей страны и своей Церкви, к Западу ничего предосудительного не было.

Однако результат – редкий, если не единственный, в политике Ольги случай – оказался довольно плачевен. В 961 году германский король Оттон (тот самый, который вскоре получит от папы корону римских императоров и создаст новую, Священную Римскую империю) в ответ на просьбу Ольги отправил на восток епископом монаха Адальберта, проповедника небесталанного. Адальберт, строго говоря, подвернулся случайно, из-за смерти так и не отбывшего на Русь епископа Либудия. Сам он ехать не хотел и воспринял назначение с крайней обидой, как ничем не заслуженную ссылку. Адальберт прибыл в Киев – и почти сразу отправился восвояси, вроде бы «убедившись в тщетности своих усилий». Логичнее всего заключить, что языческая партия встретила Адальберта без приязни, а он воспользовался этим как поводом для отъезда. Не один немецкий хронист со слов Адальберта попрекает в этой связи язычников-русов. Но и те сохранили о нем не менее «благодарную» память. «И отцы наши не приняли этого», – скажет спустя десятилетия Владимир представителям Рима о латинском обряде.

Итак, у язычников, у «партии войны», имелось достаточно поводов к недовольству. Но и Ольга, помимо новообретенной веры, имела свои резоны. На собственном опыте она убедилась в непрочности молодого Русского государства. После катастрофы в Деревской земле требовалось накопить силы, а не растрачивать их в дальних походах. Из степи угрожали кочевые племена, на севере ежегодный откуп «ради мира» едва удовлетворял норманнов. Уводить дружину из Киева в эти годы было большим риском. Миролюбие являлось не только данью религии или, тем паче, женской природе, но наиболее разумной политикой на тот момент. Христианство же давало возможность завязать новые связи, заключить новые союзы, войти во все расширяющуюся семью европейских христианских государств. Как раз в те же годы, когда из Киева сбежал Адальберт, его более прилежные собратья обратили в христианство польского князя Мешко. Крепнущее Польское княжество постепенно становилось соперником Руси в славянском мире – тем паче, что в лендзянских «Червенских градах» левобережья Буга, некогда плативших дань Игорю, интересы сталкивались уже напрямую. Мир, основанный на единоверии, хотя бы временный, здесь тоже был нужен как воздух.

Однако в конечном счете долговому миру Ольги настал конец. Святослав начал свои прославленные походы на восток и на юг. Мало принесли они Руси новых земель, но князя прославили на века, как полководца и храброго воина. Впрочем, нельзя сказать, чтобы Святослав лишь бездумно воевал и служил одной войне, не ведая, что творит. Его деяниями были сокрушены два главных соперника Руси в Восточной Европе, наследники древних кочевых империй – Хазарский каганат и Болгарское царство. На расчищенном месте сильнейшей осталась – Русь.

Начав свои военные походы, Святослав добавил уверенности киевским язычникам. Быть если не христианином

вообще, то христианским священником в Киеве стало небезопасно. Даже сама княгиня в последние годы держала при себе христианского пресвитера «втайне».

В 965 году Святослав двинулся на северо-восток. Огнем и мечом пройдя зависимую от хазар Волжскую Болгарию, он спустился по Волге и разбил войска каганата. Столица хазар Итиль пала, каган погиб. Святослав занял важнейшую хазарскую крепость на Дону, Саркел, и превратил в русский оплот, Белую Вежу. Дань Руси обязались платить доселе зависимые от хазар вятичи. Затем Святослав двинулся на Кавказ. Он захватил хазарские крепости у Керченского пролива – Самкерц и Керчь. Это стало началом русской Тмутаракани. Затем он разгромил Аланское царство – мощнейшее государство Северного Кавказа – и подвластные ему адыгские племена. Весь восточный поход занял два года. Князь возвратился в Киев с богатой добычей и полоном.

Территориальные приобретения Святослава, повторим, были не слишком значительны. Он и не пытался обложить данью хазар, волжских болгар, алан, адыгов. Однако князь, сознательно или нет, обезопасил, прикрыв русскими крепостями, торговый путь по Дону и через Азовское море. Кроме того, еще более важный волжский путь оказался свободен от хазарских сборщиков пошлин, прежде весьма отягощавших русскую торговлю с востоком, с прикаспийскими землями Ирана и с Хорезмом.

Следующий удар оказался направлен на юго-запад. В 968 году в Киев прибыло византийское посольство. Империя вступила в очередную войну с Болгарским царством, занимавшим теперь многие древние ромейские провинции. Обе стороны, несмотря на единоверие, уже десятилетиями вели борьбу на взаимное уничтожение. Теперь Византия решила обратиться за помощью к русам – пусть большей частью язычникам, но союзным. Святослав с готовностью откликнулся. Болгарская держава являлась еще одним, пусть менее угрожающим, давним соперником Руси. К тому же памятливы были услуги, которые болгары некогда оказывали «грекам» во время походов русских князей на Византию. Следует отметить, что на Руси и спустя пару веков еще помнили, что болгары – давнишние «находники» из степей, покорившие местные славянские племена. То, что сами эти племена давно уже приняли болгарское имя, а завоеватели – славянский язык, то, что христианство сплотило славян и болгар в единый народ, на Руси заметили отнюдь не сразу.

Святослав выступил на Балканы и нанес армии болгарского царя Петра сокрушительное поражение. Петр вскоре умер, его сын Борис оказался в незавидной роли марионетки русского князя. Но отдавать болгарские земли Византии Святослав отнюдь не намеревался. Более того, он уже требовал от самих ромеев отдать ему все европейские провинции. В голове князя зародились амбициозные планы – объединить под своей властью Балканы, Чехию, Венгрию и Русь, сделать столицей болгарский Преслав и оттуда управлять всем востоком Европы.

Но в этот момент Киев впервые осадили печенеги. Эти кочевые племена давно уже беспокоили восточных славян своими набегами. Игорь воевал с ними. Однако до падения Хазарского каганата, сковывавшего силы кочевников, печенеги не дерзали глубоко забираться в русские земли и подступать к стенам самой столицы. Теперь Ольга оказалась запертой в обступленном городе с одной младшей дружиной. Ей удалось послать весть за Днепр, к воеводе Претичу, командовавшему дружиной «той стороны Днепра» – то есть дружиной полянского племенного княжения в Переяславле. Претич, однако, лишь отпугнул печенегов, которые, опасаясь подхода Святослава, отошли от города. Наконец вернувшийся по призыву матери князь прогнал кочевников.

Ольга упрасивала сына остаться в Киеве и упрекала его в том, что из-за его далеких войн печенеги едва не захватили родной город со всей княжеской семьей. Послание киевлян своему князю гласило: «Ты, княже, чужой земли ищешь и блуждаешь, эту свою забросив. Едва ведь нас не взяли печенеги, мать твою и детей твоих. Если не придешь, не оборо-

нишь нас, так еще нас возьмут. Или тебе не жаль отчины своей, и матери старой, и детей своих?» Святослав выполнил свой долг. Однако теперь его было не переубедить. Князь раскрыл перед матерью свои дерзновенные замыслы: «Не любо, – заявил Святослав, – мне жить в Киеве. Хочу жить в Переяславце и на Дунае, потому что там середина земли моей. Туда все блага сходятся – от греков паволоки, золото и вино, овощи различные, из Чехов и из Угров серебро и кони, а из Руси же меха и воск, и мед, и челядь». На это Ольга ответила только: «Видишь меня больную. Как хочешь от меня ийти? Погребни меня и иди куда захочешь».

Княгиня действительно была тяжело больна. 11 июля 969 года она скончалась. Князь с детьми и все киевские горожане оплакали Ольгу. Погребли ее, согласно завещанию, без тризны, по христианскому обряду. Отпевание совершил тот самый священник, которого она держала при себе «втайне» последние годы. Уже скоро среди киевских христиан Ольгу начали чтить как святую.

Святослав же сразу после смерти матери засобирався в поход. Теперь он готовился к войне уже не столько с болгарами, сколько с Византией. Ради этой войны он заключил союз с Венгрией, а также с недавними врагами печенегами. Последние охотно согласились в расчете на воинскую удачу грозного для них Святослава и богатую добычу. Перед походом, однако, требовалось упорядочить управление Русью. Святослав, по примеру некоторых славянских и скандинавских правителей – но впервые в истории Руси – решил разделить свое огромное «княжение» на уделы между сыновьями. Сыновей у него было трое – Ярополк, Олег и Владимир.

Сын Малуши

О времени рождения и материнском роде Ярополка и Олега мы не знаем практически ничего. Из двоих старшим был Ярополк, но родился ли он на самом деле раньше и Владимира, непонятно. Мать у этих двух княжичей, — опять же по всей вероятности, — была одна. Судя по всему, это и есть неизвестная нам по имени главная, в полном смысле законная жена Святослава. Происходила она, очевидно, из знатного рода. Скорее угадывают, чем утверждают, что союз Святослава с венгерским князем-жупаном Гейзой скрепил династический брак. Но союз этот, насколько нам известно, заключили лишь для войны с Византией, когда Ярополк и Олег уже принимали власть. Логичнее уж заключить, что жена Святослава была славянкой, княжной одного из многочисленных подвластных племен или градов, «приведенной» в полюдь. Все русские княгини, сопровождавшие Ольгу в Константинополь в 957 году, были с ней в родстве или в свойстве — кто-то, возможно, как раз через брак Святослава. Любопытно, что при осаде Киева печенегами говорится только о матери и детях, но не о жене отсутствовавшего князя. Это может свидетельствовать о том, что княгиня уже умерла к тому году.

К моменту кончины Ольги Ярополк уже достиг брачного возраста — то есть было ему не менее двенадцати или даже четырнадцати лет. В двенадцать лет русин считался уже совершеннолетним «отроком» и мог брать в руки оружие. Но время жениться наступало все-таки чуть позднее. Святослав привез сыну подарок с Балкан — красивую лицом девушку-невесту из разоренного греческого монастыря. Только один поздний летописец, передающий церковную легенду о ней, сообщает имя этой «грекини» — Наталия. Ярополк взял ее в жены, однако браком этим, для силой расстриженной язычниками юной монахини отнюдь не добровольным, особо не дорожил.

Именно между Ярополком и Олегом Святослав изначально хотел поделить Русь. Ярополку он назначил Киев. Следует помнить, что князь совершенно не собирался в случае успеха возвращаться в свою столицу. Так что Ярополк действительно становился под рукою отца верховным правителем Руси, собственно русским великим князем.

Понимая, что после смерти Ольги и в его отсутствие Деревскую землю будет трудно удержать в повиновении Киеву, Святослав посадил второго сына, Олега, на княжение в Деревях. Таким образом, самолюбие местной знати, несомненно, униженной подчинением Рюриковичам, отчасти удовлетворялось. Резиденцией Олег избрал град Вручий. Тем самым столличная власть над Деревями отнималась у соплеменников древнего княжеского рода Малов, правивших в Малине и Искоростене, в южном междуречье Ирши и Ужа. Вручий стоял выше по Ужу, за рекой Жерев, где еще в IX веке существовал независимый племенной союз жеревичей, подчиненный позже южным древлянам.

Известия о кончине Ольги и грядущем уходе ее сына на Балканы между тем дошли и до севера Руси. В набирающей силу столице Русского Севера, Новгороде, все это вызвало вполне обоснованное беспокойство.

Новгород долго сохранял независимость и обособленность. Известная всем по учебникам картина объединения Киева и Новгорода князем Олегом уже в конце IX века восходит, в конечном счете только к летописному преданию. Сейчас, с позиций современной науки, ее стоит подкорректировать — хотя бы потому, что самого Новгорода Великого в IX веке еще не было. Скорее Рюриковичи, какое-то время поправив на Ильмене, просто покинули здешние места на произвол судьбы. В самом первом договоре Олега с Византией ни Новгород (что понятно), ни (что гораздо существеннее) какой-нибудь его предшественник не упомянут ни словом. В скандинавских же викингских сагах, источнике пусть крайне легендарном, если не сказочном, но все же восходящем и к подлинным преданиям, рисуется картина ожесто-

ченной борьбы за «Хольмгард» между местными князьями и скандинавскими «морскими конунгами» как раз в конце IX – первой трети X века.

Как бы то ни было, достоверно о подчинении ильменцев Киеву можно говорить лишь после основания собственно Новгорода в начале 930-х годов. Объединение словен, кривичей и «чуди» на Ильмене, их желание гарантировать себе спокойное будущее побудили обратиться к могущественному уже киевскому князю, выходцу с севера. Именно тогда и должны были установить «дань», откуп «ради мира», уплачивавшийся в пользу соседних варягов – шведов. В Новгороде же или в остававшемся княжеской резиденцией «Рюриковом» городище уже к 944 году сидел киевский наместник – княжич Святослав Игоревич.

Присоединение к «Киевской» Руси было, как видим, скорее добровольным. Новгород сохранил широкую автономию, право распоряжения неконтролируемой частью собственной дани и получения с нее доходов по пути в «Греки». Он имел собственного князя и собственную дружину – более ценную воинскую силу, чем племенное ополчение.

Ольга после гибели Игоря забрала сына в Киев и включила Новгород в первый же «круг» великокняжеского полюдья. Однако псковитянка Ольга оставила ильменцам, почти что своим землякам, толику прежних прав. По установленным тогда «урокам» дань с ильменских земель составляла три тысячи гривен. Из них лишь две тысячи шло в Киев, тысяча же оставалась в распоряжении новгородских правителей, «посадников». Это было, конечно, не прежнее довольство – но все равно ценный источник дохода для новгородской знати и возможность содержать довольно крупную дружину. Неизвестно, кто непосредственно правил Новгородом при Ольге. Ясно, однако, что это не был кто-то из Рюриковичей, и едва ли князь.

Такое положение устраивало новгородцев до поры до времени. Но когда родившаяся на севере княгиня умерла, новгородцы встревожились. Только князь из рода Рюриковичей, – рассуждала новгородская знать, – обеспечит сохранение уцелевшей части их привилегий. И вот Святослава перед уходом из Киева застает новгородское посольство.

«Люди новгородские» просили у прежнего своего правителя Святослава отправить к ним князя из своего рода. «Если не пойдете к нам, – заявили они, – то мы найдем себе князя». Угроза звучала вполне убедительно. Оставляя в стороне относительно еще недавнее «призвание варягов» – неподалеку от Новгорода, в Ладоге, постоянно гнездились изгнанные из своих краев норманнские «морские конунги». Любой из этих викингских вожakov счел бы за невиданную удачу приглашение на новгородский стол. Это не говоря уже о том, что Рюриковичи были в ту пору отнюдь не единственным великокняжеским родом на Руси. Допустим, в Полоцке сидел Рогволод, также не бездетный. И его земли лежали к Новгороду тоже гораздо ближе, чем Киев.

Но Святослава мрачный посул новгородцев несколько не впечатлил. Мыслями своими князь был на юге. О Новгороде же воспоминания у него по каким-то причинам остались не лучшие. С едва ли оправданным для государственного мужа пренебрежением славный воитель бросил в ответ послам: «Да пошел бы кто к вам».

Ярополк и Олег, разумеется, совершенно не желали отправляться в Новгород. Чувства отца к далекому северному городу они, похоже, вполне унаследовали. Древлянское княжение Олега было после похода и реформ Ольги гораздо спокойнее и в любом случае ближе к родным местам. Ярополка, по большому счету, и спрашивать не было смысла. Летописец, впрочем, следуя доставшемуся ему устному преданию, чинно замечает: «И отказались Ярополк и Олег». Тут и вспомнилось о Владимире.

«Робичич» – значит, сын «робы», рабыни. Прозвание-клеймо (и юридически четкое указание на место в обществе), долго преследовавшее Владимира Святославича и, без сомнения, немало отягощавшее его молодые годы. Владимир был сыном Святослава и Малуши, ключницы княгини Ольги. Ключница – служанка привилегированная, ответствен-

ная за все хозяйство княжеского дома. Но все же только служанка. «Роба». Судя по славянским именам и ее, и отца ее Малка, и брата Добрыни, Малуша вышла из холопов – рабов-соплеменников, обращенных в рабство за долги или преступления. Им нередко доверяли ответственные посты при дворе. Но и самые доверенные холопы обязаны помнить свое место.

Первобытный славянский закон отнюдь не воспрещал многоженства. Но, если, скажем, у вятичей иметь «по две и по три жены», если верить летописи, являлось обычным делом, то в Киеве многоженство осталось привилегией одних князей. Жен они получали в результате династических браков, либо им «приводили» невест во время полюдья от подвластных племен. Но помимо «чинного», с соблюдением всех обычаев брака со свободной женщиной, языческий князь имел право и на иные утехы. Именно – взять себе «на ложе», наложницей холопку либо полонянку.

Арабский путешественник Ибн Фадлан, отправившийся в северные края в 922 году, оставил живописное, со слов очевидцев, описание гарема «царя русов» – насколько мы можем понять, Игоря. Единственной известной нам женой Игоря была Ольга, «приведенная» ему в полюдье от кривичей. Но помимо того, как узнаем мы уже от арабского автора, у князя имелись десятки наложниц. Правда, от них Игорь старался детей не заводить – логичное объяснение тому, что Святослав остался единственным сыном-наследником. Сам Святослав, как видим, оказался менее щепетилен. Он сошелся с Малушей как со своей «робой» – и на свет появился Владимир.

Среди ученых нового времени немало предпринималось попыток как-то «приподнять» происхождение Владимира. Его возводили то к древлянскому князю Малу, то к воеводе Свенельду, то даже к ним обоим, изысканно сплетая родословные древа. Искусная игра научных умов, подчас действительно гениальных. Не имеющая, однако, ни малейшего основания в источниках. Любопытно, что древним летописцам, которым «облагородить» великого во всех смыслах князя, казалось бы, было нужнее, подобные построения в голову не приходили. Никогда.

Отца Малуши звали Малко Любечанин. Следовательно, он либо родом был из Любеча – важной полянской крепости в левобережье, выше Киева и за впадением Десны, либо жил там. Любеч со времен захвата Киева Олегом являлся княжеским городом, в начале X века и позже там сидел собственный великий князь, родич и подданный великого князя русского. Однако уже к середине X столетия Любеч превратился в замок киевских князей – вероятно, местная линия пресеклась. Самое большее, мы можем предположить, что Малко служил Ольге в качестве управителя Любечской крепости. Хотя и в пользу этого никаких свидетельств не имеется. О Малко известно, по сути, только три вещи – прозывали его «Любечанин», дочь его была княжеской «робой», имел же он двух детей, дочь Малушу и сына Добрыню.

Ученые по-разному судят и об обстоятельствах связи Святослава с Малушей. Кто-то подозревает, что Ольга сама содействовала союзу, пусть неполноправному, своей ключницы с сыном. Версия занятная и не нелепая, однако опять-таки не имеющая никаких подтверждений. Кто-то, напротив, полагает, что Малуша, сойдясь с молодым князем, прогневил хозяйку. В связи с ссылаются на одну из летописей XVI века, утверждающую на основе каких-то местных легенд, будто Владимир рос в селе Будотино, куда Ольга сослала «в гнев» его мать. Там княжич-«робичич» оставался якобы даже после смерти княгини. Но если первая версия просто не имеет подтверждений, то вторая надежно опровергается источниками более ранними и достоверными. Действительно, живший в XI веке автор первого жизнеописания Владимира, Иаков Мних, рассказывает нам, что Владимир был довольно близок к своей святой бабке. Она поведала ему немало о своей вере, пробуждая интерес и воспитывая терпимость к христианам. Позже выросший Владимир сознательно подражал великой кня-

гине во многих делах. Может, Иаков кое-что здесь и преувеличил, но никакой враждебности между бабушкой и внуком младшие современники явно не помнили. Летопись говорит о том, что дети Святослава (без исключений) находились при Ольге во время осады Киева печенегими, в последний год ее жизни. Если предание XVI века и достоверно (а обязательно ли ему являться достоверным?), то отражает какой-то «проходной» эпизод из жизни Малуши и ее сына.

Какое же место занимал «робичич» в княжеской семье? Едва ли значительное. Судить можно хотя бы по тому, что Святослав и в расчет не взял третьего сына при разделе земель. С другой стороны, он рос при княжеском дворе и официально княжеским сыном признавался. На это указывает и княжеское славянское имя «Володимер», полученное им от отца. Имя древнее, совсем не «рабское», на половину (вторую) восходящее к связям славян и готов, означавшее же тогда «Обладатель славы». Смысл этот едва ли помнился к X веку, но имя у славян давалось только князьям. Сам Владимир и его двор предпочитали позднее более простую и легко переводимую славянскую народную форму – «Владимир», «владеющий миром».

Двойственность положения, конечно, наложила отпечаток на весь характер Владимира Святославича. Едва ли подраставший княжич мог питать особую приязнь к киевской знати и смотревшим свысока сородичам. Свидетельство Иакова Мниха о внимании Ольги к внуку выглядит вполне достоверно – если кто и уделял «робичичу» достойное внимание, то, конечно, это была княгиня-христианка, осуждавшая языческие обычаи.

Однако Ольга не осталась единственной учительницей Владимира, да и время должна была делить между всеми внуками. Воспитателем Владимира, его «кормильцем», как называлось это на Руси, стал по обычаю его «уй», то есть дядя по матери Добрыня Малкович. Это объясняет, почему воспитанник Ольги так и не стал христианином в молодости. Добрыня, насколько нам известно, первоначально являлся язычником ревностным. И это «уравновесило» благожелательные рассказы княгини о христианстве. Да, Ольга первой поведала Владимиру, говоря словами митрополита Илариона, «о благоверной земле Греческой, христоролюбивой и сильной верою, как Единого Бога в Троице почитают и кланяются, какие у них совершаются сильные чудеса и знамения, как церкви людьми исполнены, как веси и грады благоверные все в молитвах предстоят, все Богу предстоят». Но молодой Владимир остался убежден в истинности языческих верований, доставшихся по «отеческому преданию», и чужд христианства. Самое большее, княгине удалось привить внуку некоторый интерес к своей религии – но и к другим верам вообще, «широту взглядов», говоря современным языком. Отсюда до обращения – дистанция огромного размера, и Владимиру только предстояло ее пройти. Впрочем, оставшееся на всю жизнь уважение к Ольге на этом пути сильно помогло. Но это потом.

Итак, сын Малуши рос при княжеском дворе Ольги в Киеве. Мы не знаем с достоверностью, когда скончалась его мать. В летописи о дальнейшей судьбе Малуши нет никаких надежных свидетельств. Правда, один скандинавский сагописец при описании событий примерно 963 года представляет нам мать Владимира – как всеми на Руси почитаемую ведунью-пророчицу. Но в том он нуждался для своих литературных целей, и мы не знаем, действительно ли Малуша славилась чем-то подобным. Очень вероятно, что ее уже не было в живых в 969 году, когда посольство новгородцев вывело Владимира на сцену большой истории. Впрочем, не знаем мы и того, насколько, собственно, вырос Владимир к тому времени. Суховатые строки летописи не позволяют судить, говорится ли о ребенке, о входящем в возраст «отроке» или уже о вполне зрелом молодом человеке.

Удивительно, что мы не можем с уверенностью ответить на простой вопрос – когда родился Владимир Святой? Впрочем, как увидим далее, даже дата его прихода к власти в Киеве ненадежна. Здесь же нам придется немного углубиться в историческую «кухню»

работы с источниками. Это и необходимо для решения вопроса, и полезно – поскольку позволяет показать, как трудно подчас работать на поле истории «дописменной», основанной в основном не на достоверных свидетельствах очевидцев, а на записанных века спустя устных преданиях. Понятно, что «устных хронистов» из княжеских дружин хронология если и беспокоила, то не в первую очередь. Недаром два первых русских киевских князя, Олег и Игорь, княжат каждый по былинному сроку в тридцать три года – то есть просто «долго». На таких-то основаниях и покоится нередко летописная хронология...

Впрочем, Владимир стоит на рубеже двух эпох – языческой и христианской, «устной истории» и писаной истории. А значит, ничего удивительного, что срок его жизни оказался все-таки записан с высокой точностью. Пусть всего в одном и довольно позднем, начала XIII века, источнике. Но все-таки записан.

Созданный в Северо-Восточной Руси, пользовавшийся различными устными преданиями, а также не сохранившимися версиями житий, Летописец Переславля Суздальского под 1015 годом свидетельствует о Владимире: «И так скончался 73 лет». Если верить этому уникальному показанию источника, то получается, что сын Святослава и Малуши появился на свет в 942 году.

Однако это только начало. Дело в том, что по единогласному свидетельству всех летописей, и прежде всего – Начального летописца, основывающегося на древнейшем сказании младших современников Владимира, Святослав на момент гибели отца зимой 944/945 года был очень мал. «Бе бо мал еще, детеск» («мал ведь был еще, детских лет») – отмечает летописец в связи с походом Ольги на древлян в 946 году. По обычаю князю полагалось начать битву. Но ребенку Святославу не под силу оказался настоящий бросок копья. Он лишь «сунул» копьё между ушами коня, а Свенельд и кормилец Святослава Асмунд воскликнули: «Князь уже начал! Поспешим, дружина, за князем!»

С этим прекрасно, казалось бы, согласуется и запись в Галицко-Волынском летописном своде конца XIII века, т. н. Ипатьевской летописи, отсутствующая во всех остальных версиях «Повести временных лет». Галицкий летописец под 942 годом (уже любопытно!) отмечает: «Родился Святослав у Игоря». Итак, в 942 году родился вовсе не Владимир, а его отец?!

Автор Галицко-Волынского свода пользовался более ранней киевской летописью конца XII века, которая, в свою очередь, восходила в этой части к «Повести временных лет». Летопись эта сохранилась до нас только в составе Ипатьевской, однако В.Н. Татищев вроде бы читал и использовал ее как самостоятельный памятник. Называет он это позже утерянное сочинение Раскольничьей летописью, поскольку получил ее от сибирского раскольника-старообрядца. Так вот, Раскольничья летопись в показаниях о возрасте Святослава совершенно расходилась с основанной, казалось бы, именно на ней Ипатьевской. По Раскольничьей, Святославу было 52 года в момент гибели, в 972 году. Значит, родился он вовсе не в 942-м, а в 920-м? Тогда, конечно, в 942 мог родиться и Владимир. Галицкий же летописец, – рассуждаем на этой основе далее, – заметил противоречие с «детским» возрастом Святослава в летописном сказании о мести Ольги и решил «исправить» кажущуюся ошибку. Увы! – ценность свидетельства Раскольничьей ошеломляюще перечеркнул сам Татищев. При одной из правок он почему-то заменил ссылку на Раскольничью ссылкой на другие летописи – а эти летописи до нас сохранились, и в них ничего подобного нет вообще! Так не идет ли речь просто о догадке или об ошибке памяти историка XVIII века, который так и не смог найти под пришедшее на ум измышление подходящую ссылку?

Здесь в «игру» вступают свидетельства современников-иностранцев. Прежде всего, упомянутый выше император Константин VII Багрянородный в своем обширном трактате «Об управлении Империей» сообщает, что еще при жизни Игоря Святослав правил в Новгороде. Представить, что Игорь и Ольга отпустили «княжить» в только что покорившийся (и недавно возникший) далекий град на северном порубежье двухлетнего мальчика, даже с

надежной дружиной, – за пределами вероятия, почти абсурд. Помимо прочего, Святослав практически во всех источниках предстает как единственный законный наследник своего отца. Рисковать им почти во младенчестве даже ради Поильменья родители едва ли стали бы. Святослав между тем имел свою дружину и даже отправлял особого посла для заключения договора с Империей в 944 году.

Титмар Мерзебургский, немецкий хронист и современник Владимира, утверждает, что тот умер не просто «в преклонных летах», но «глубоким стариком». Можно ли было сказать такое о Владимире, если его отец родился в 942-м, а сам он, следовательно, – не ранее 956-го или даже 957-го – года? Шестьдесят лет уже могут быть признаны по средневековым понятиям старостью, но едва ли слишком «глубокой». По крайней мере, ничего исключительного, требующего указания на возраст, в такой кончине не было бы. Старость же Владимира отнюдь не бросалась в глаза. В 1008 году, по свидетельству другого немецкого современника и очевидца, он легко «спрыгивал» с коня. А от последнего брака, заключенного уже после 1011 года, имел ребенка. Само по себе ни то, ни другое ничего не говорит о возрасте. Однако показывает, что шестьдесят едва ли были бы сочтены для Владимира очень уж «глубокой» старостью. Скорее надо думать о возрасте за шестьдесят или даже ближе к семидесяти. То, что Владимир до таких лет дожил – и тем паче сохранил бодрость телесную почти до самого конца – вот это действительно обратило бы на себя внимание современников.

Все эти рассуждения если не сокрушают, то серьезно подрывают версию галицкого летописца о том, будто Святославу было всего три года на момент гибели отца. Правда, совсем необязательно считать при этом выдумкой живописный летописный рассказ о юном князе, начавшем битву с древлянами. Речь вполне может идти о возрасте 10–12 лет, также вполне «детском» по древнерусским понятиям. Правда, и тогда встает вопрос – в каком все-таки возрасте родители отправили своего единственного наследника Святослава на княжение в далекий и вполнину еще непокорный Новгород? Может быть, стоит вспомнить, что о Владимире в брачных уже летах, причем при описании второго брака, владимирский летописец начала XIII века вполне четко и осознанно говорит то же самое: «детску сущу». Так же осознанно называл в своем житии «детским» Нестор 25 – 26-летнего князя Глеба Владимировича.

Что касается аргументов «от психологии» (почему доблестный воитель Святослав вышел из-под материнской опеки и начал ратные труды лишь в возрасте за тридцать или за сорок?), то они не вполне убедительны. У нас, к несчастью, просто нет надежного психологического портрета Святослава. Есть образ, скроенный из дружинных эпических преданий об идеальном вожде и из личной, более критической точки зрения нашего Начального летописца. Подлинное лицо князя можно лишь воссоздавать – но тогда уже с учетом всех показаний источников.

Это все, что известно и может быть выведено относительно времени появления на свет самого Святослава и его прославленного сына. Общий же вывод будет не слишком утешительный. Мы не можем установить, когда точно они родились. Все сообщаемые в летописях даты и сроки крайне ненадежны и сомнительны. Из вышесказанного ясно одно – Малуша родила Владимира еще до 955 года, самое позднее около того. Может, не в 942-м, а в 952-м? Драма, связанная с этим рождением, если и была, то осталась в прошлом, и Владимир занял место – пусть не очень почетное – в княжеской семье. К моменту ухода Святослава из Киева на вторую Болгарскую войну Владимиру было самое меньшее лет четырнадцать. По всем древнерусским понятиям, это уже совершеннолетие.

Новгород

Итак, нам неизвестно, насколько возрос Владимир к моменту новгородского посольства в Киев. Как бы то ни было, двигателем дальнейших событий летопись рисует не его самого, а его дядю и кормильца Добрыню Малковича. Добрыня определенно был старше своего племянника. Другой вопрос – насколько. Но это уже точно вопрос без ответа. Если о хронологии жизни русских князей тех лет мы имеем представления гадательные, то о хронологии жизни их приближенных – почти никаких.

Добрыню тяготило двойственное положение воспитанника. Тем паче, что двойственным оказалось и его собственное. С одной стороны, «уй» и воспитатель княжеского сына, с другой – княжеский холоп. Перед ним приоткрывалась дразнящая дверь в верхи общества, но лишь приоткрывалась. Летописи рисуют Добрыню скупыми, но четкими красками. Перед нами предстает человек честлюбивый и гордый, даже властолюбивый, стыдящийся низкой доли. И в то же время – заслуженно честлюбивый, тонкий и прозорливый, достойный советник в делах именно властных. Один из летописцев назвал Добрыню «мужем храбрым и распорядительным». Недаром народный эпос, былины «Владиминова цикла», Добрыню запомнил и воспел как Добрыню Никитича, храброго в бою, честного, мудрого и «вежественного» при дворе. В былинах, однако, Добрыня – знатный боярин родом, в отличие от крестьянского сына Ильи Муромца и поповича Алеши. В памяти народной закрепилось положение, достигнутое Добрыней позднее, а не то, с которого он поднялся.

Реальному Добрыне в 969 году было далеко до боярства. Со всеми его талантами и достоинствами, самое большее, на что он мог рассчитывать – это место при скудном дворе «робичича», если братья ему оставят хоть какой-то двор после смерти Ольги и Святослава. Вокруг Рюриковичей плотной стеной стояли еще их родственники и свойственники, родовитые скандинавы вроде Свенельда и Асмунда. В старшую дружину путь холопскому сыну был перекрыт. Впрочем, близилось время, когда бесшабашная доблесть Святослава изрядно проредит эту стену, да и аппетиты викингских потомков станут слишком велики для правителей строящегося государства. Время это настанет уже скоро, очень скоро. Но в том году, когда Святослав только отправлялся в свой последний поход, изменений не предвиделось. Не мог их предвидеть, при всей своей прозорливости, и Добрыня – разве что попытаться претворить в жизнь собственными руками.

Посольство из Новгорода, встретившее холодный прием у Святослава и законных наследников, представилось Добрыне единственным шансом изменить свою и Владимира сомнительную участь. Когда Ярополк и Олег свысока отказались от новгородского стола, к раздраженным новгородцам сам явился Добрыня. «Просите Владимира», – посоветовал он им.

Новгородцы вновь явились к Святославу и неожиданно, должно быть, для него попросили: «Дай нам Владимира». Святослав, выведенный из нежеланного затруднения, с легкостью согласился. Его ответ вновь звучал пренебрежительно, выказывая отношение и к Новгороду, и к собственному сыну от Малуши: «Это вам ведать». Так записан он в древнейшей по происхождению из летописных версий, но позднейшие ее не сильно смягчают: «Ваш он». Со всех трех княжичей, по преданию, Святослав взял клятву хранить установленные границы уделов и не искать большего. С тем он распрощался и с новгородцами, и с Киевом. Навсегда. Осенью 969 года князь уже сражался сначала с восставшими болгарами, а затем и с византийцами на Балканах.

Новгородцы же, забрав Владимира и Добрыню, в самые дни княжеского выступления отправились на север. Надо было успеть до зимней распутицы. Так что Владимир, скорее

всего, въехал в Новгород еще в том же 969 году. Так он внезапно для себя обрел собственное княжество, собственный «стол».

Княжество это было огромным. Владения Новгорода еще во времена правления там Святослава охватывали земли ильменских словен, веси, мери, «чуди»-эстов – весь Север Руси. Они простирались от Финского залива до Белого озера и Волго-Окского междуречья, включая несколько независимых еще славяно-финских племенных «княжений». К Новгороду тяготели и земли псковских кривичей, родина Ольги. Русь Новгородская по размерам была сопоставима с Русью Киевской – как мы помним, в Новгороде до реформ Ольги был собственный центр полюдья, и такое противопоставление вполне правомочно. В своей устремленности к югу и в презрении к прежнему месту княжения Святослав запечатлел обо всем этом.

Забыл он и об исторической традиции, подкреплявшей амбиции Новгорода. Оттуда, из этих мест, вышел княжеский род Рюриковичей. Там правили Олег, Игорь и сам Святослав, прежде чем обосноваться в Киеве. А когда-то здесь рождалась Русь и правил легендарный Бравлин. Можно не сомневаться, что Новгород, в отличие от своего прежнего правителя, обо всем этом не забыл. Богатеющий град, привлекавший толпы скандинавских наемников, имел достаточно мощи, чтобы продолжить традицию. Получив на стол от киевлян «робичича» вместо наследника киевского князя, Новгород от этого не стал слабее. А вот сам «робичич» обретал исключительную силу, даже если прибыл без собственной дружины (на что весьма похоже).

Но что представлял тогда из себя Новгород? Словосочетание «Новгород Великий» у современного читателя неизбежно вызывает в памяти добавление – «Господин Великий Новгород». В памяти сразу предстает Новгород средневековый, даже скорее былинный, – с теснящимися у пристани купеческими кораблями, многолюдным торгом, богатыми боярскими дворами, крестами православных соборов и, разумеется, с вечевым колоколом. Говоря сухим научным языком – «крупнейший экономический и культурный центр Руси», «столица Новгородской республики».

Но в описываемое время «республики» не было еще и в помине (оставляя в стороне вопрос о том, когда именно стал и стал ли Новгород вообще «республикой»). Новгород только появился менее чем за полвека до описываемых событий, и в «крупнейший центр» ему только предстояло обратиться. Важнейшим градом и единственным подлинным городом Севера в ту пору являлся, как уже говорилось, Полоцк – достойный соперник Киева. Новгороду за эту роль предстояло побороться. И если успехи пришедших с Новгородчины Рюриковичей объяснялись выгодным положением тех земель, то весь политический вес Новгорода, вся его власть над Севером были порождены как раз Рюриковичами. Изборск или тот же Полоцк имели не меньше шансов – но не они стали родиной правящей всей Русью династии. Хотя на стороне Новгорода было все-таки еще одно преимущество – тесные связи с восточными финскими окраинами, куда из перенаселенного Поильменя устремлялись потоки переселенцев – и славян, и варягов, и местных финнов же.

Итак, Новгород возник совсем недавно. Уже позже летописцы назовут «Новгородом» и место княжения Рюрика, и даже припишут честь основания града ему. Но на самом деле княжеской резиденцией в IX веке было, а при Владимире еще и оставалось, небольшое укрепление южнее Новгорода по Волхову, над самым озером Ильмень. Ученые несколько условно называли его «Рюриковым Городищем». Было ли Городище тем Холмградом, который принес Новгороду его скандинавское имя «Хольмгард»? Или оно само по отношению к более древнему Холмграду именовалось «Новгород»? Высказывались обе версии. Действительно ли здесь «сидел» Рюрик, возникло Городище при нем или после него – тоже неизвестно, как неизвестно наверняка и само время правления Рюрика. В X веке Городище было богатым дружинным градом, в котором на заказ работали десятки ремесленников. Среди

знатных насельников его водились и варяги, и славяне. При Ольге град особенно разросся, превратившись в главный «погост» новгородской округи. Здесь и поселился Владимир, приняв начальство над здешней дружиной и двором, хотя титул его и звучал уже «князь новгородский».

Сам Новгород, как уже сказано, родился из трех поселений. Позднее они стали тремя древнейшими «концами», городскими районами Новгорода Великого. Самым первым начало обретать городской облик поселение кривичей, и недаром в средневековом Новгороде оно звалось «Людин конец» – то есть попросту конец людей, полноправных общинников. Некоторые поздние предания возводят в Изборск-Словенск или в Псков, в кривичские земли, род первого новгородского правителя Гостомысла, предшественника Рюриковичей. Уже в начале 930-х годов в Людином конце появляются правильные улицы с деревянной мостовой между огороженных дворов знати. Потом к Людиному добавилось еще два конца – словенский, Славенский через Волхов, и «чудской» по населению Неревский на том же берегу. Чтобы связывать Людин и Неревский концы со Славенским, через Волхов построили большой деревянный мост. Прямо за ним, на словенской Торговой стороне, и был знаменитый новгородский Торг – сердцевина уже самого раннего Новгорода.

Улицы на Торговой стороне строили уже при Ольге. Лишь немногим раньше – надо думать, в связи с приглашением в князя Святослава, – на возвышенности с «Людиной» стороны моста воздвигли укрепленный град, Детинец. В ту пору он строился еще из дерева и был очень невелик. Если Городище являлось княжеской резиденцией и средоточием русской дружины, до Детинец воздвигался как место собраний и в случае нужды укрытия племенной знати, жрецов и «старцев», из которых далеко не все торопились стать княжескими боярами. Оказавшись неспособны сами управлять разноплеменным поселением и отстаивать его от алчных заморских находников, знатные новгородцы тем не менее показывали прибывшему князю свою силу и независимость. Удивительно ли, что Святослав сохранил о Новгороде не самую добрую память?

Первые правители Новгорода титуловались «посадники». Для нас это слово опять-таки прочно связано со временами Новгородской «республики», когда так именовался глава боярского «правительства» Новгорода, нередко грозный соперник князя. На заре Руси было иначе. Посадника «сажали» в отсутствие князя – либо киевский князь, либо сами новгородцы. Иногда выбранного или назначенного князя самого называли «посадником». Не очень понятно при этом, связан ли титул в самом деле со словом «посад», обозначавшим торгово-ремесленную часть русского города. Во всяком случае, посадники правили отнюдь не только посадом. Разве что весь Новгород считался «посадом» по отношению к Городищу – а это вполне вероятно.

Первым посадником предание именует некоего Гостомысла. Последующие летописцы расцвели краткие упоминания о нем, создали легенду о том, будто именно он передал власть Рюрику. Но гораздо логичнее заключить, что Гостомysl, как первый правитель Новгорода, жил в 30-х годах X века, а если кому и передал власть, то Святославу Игоревичу. После Святослава Ольга, немало позаботившаяся о разрастании и обогащении Новгорода, назначала туда посадников. И вот теперь Новгород вновь обрел князя из Рюриковичей.

Расширявшийся град становился известен за пределами Руси. Укрепляя свою власть среди своенравных местных аристократов и дружинной вольницы Городища, Владимир и Добрыня должны были заботиться и о поддержании нарождающегося престижа. Через Новгород проходил знаменитый торговый путь «из Варяг в Греки». Во времена правления Святослава отсюда по завершении княжеского полудья отправляли особый купеческий караван в Киев и дальше в Византию. Кроме того, Новгород всегда вел оживленную торговлю и с Востоком, по Волге, – путь, ставший намного более выгодным и доступным благодаря крушению Хазарского каганата. Все это привлекало в Новгород торговцев с разных берегов

Балтики, хотя путь к известным днепровским волокам в Волоковском лесу вверх по Западной Двине для кого-то и мог казаться короче.

Изначально, в первых десятилетиях IX века, ильменцы особенно тесно знали с жителями торговых поселений юго-западной Балтики – полабскими и поморскими славянами. Родней довольно близкой, учитывая, что предки словен пришли откуда-то из тех мест всего лишь в конце VII столетия. В Новгород и позднее прибывало немало переселенцев с Поморья и с Лабы, а родословные знати оказались переплетены. Потому и Гостомысл носил имя, которое до него встречалось лишь в княжеском роду полабских ободритов.

Времена, однако, менялись. Полабские и поморские племенные княжества, упорно сохранявшие верность язычеству, оказались в почти полной внешней изоляции затиснуты между грозными противниками и сдавали одну позицию за другой. Немецкие императоры, польские князья и вожаки скандинавских викингов шаг за шагом, год за годом стягивали кольцо вокруг балтийских славян. Превратившись в заложников борьбы сильных соседей, они позднее окончательно лишатся независимости – хотя в борьбе за нее явят чудеса героизма. Тогда в Новгород, за новым домом и православным крещением, опять хлынет поток переселенцев, теперь уже беженцев с Южной Балтики – и даст Руси немало славных знатных фамилий (достаточно вспомнить Пушкиных). Но это потом, еще два века спустя.

Пока же прибалтийские «венды» слабели и беднели, и все реже могли посещать земли восточных сородичей. Более важным и выгодным партнером становились крепнущие скандинавские королевства. Норманны тоже не были чужими ильменцам. Уже в середине VIII века они обосновались в Ладоге, а в IX – на Городище. Датская и шведская королевские династии выводили себя из «Хольмгарда». Русские Рюриковичи, в свою очередь, вели род из варяжского «заморья». Для Новгорода же Рюрик был в описываемую эпоху лишь одним из многих знатных «находников», побывавших на ильменской земле и какое-то время правивших там. Память о других хранят ныне лишь саги, но тогда в Поильмень их еще помнили. Среди родовитых «новгородских людей» немало было и «от рода варяжского». В новгородской округе селились и взринги (по-славянски варяги) – скандинавские наемники, служившие русским князьям, и кюльфинги (по-славянски колбяги) – смешанные финно-норманно-славянские вольные дружины, зародившиеся в Ладоге. И те и другие вместе с новгородцами отправлялись дальше на восток, основывали торговые и дружинные поселения по Волге, Оке, на северных Волоках.

Двумя ликами была обращена Скандинавия эпохи викингов во внешний мир. И две «партии» противостояли друг другу в самой Скандинавии. С одной стороны, были викинги и короли-викинги. Свирепые завоеватели, державшие в страхе всю Европу, непревзойденные воины и мореходы. Не только чужеземцам, но и самим норманнам часто приходилось иметь дело с их жестокостью. Уже в X веке для скандинавского бонда-домохозяина слово «викинг» звучало ругательством. Но далеко не для всех скандинавских аристократов, даже королевского рода. Для них совершать в молодости викингские походы, разорять и по возможности захватывать чужие земли было делом чести.

Но была и другая Скандинавия. Скандинавия тех самых бондов, зажиточных хуторских крестьян, добывавших себе хлеб насущный и обогащавших страну ежедневным кропотливым трудом. Блудущих строгий патриархальный закон и «порядок». Скандинавия ловких, решительных и знающих счет деньгам купцов, плавающих в дальние чужие края не за разбоем, а за честной прибылью. Наконец, тех сравнительно еще немногих «добрых» конунгов, которые предпочитали разграблению чужого наращивание своего через мир и торговлю с соседями. Именно их трудами из прибрежных крестьянских общин разрастаются настоящие торговые города, для которых викинги уже – не источник дохода, а самый первый враг.

Конечно, подлинная картина была гораздо сложнее. И викинг нередко остепенялся с возрастом, оседал на землю или становился честным купцом. И купец в нужде, либо

изгнанный из дому сородичами бонд, мог вполне обратиться в пирата. И сами прибрежные города возникали сначала все-таки как «вики» – не только торговые пристани, но и викингские базы. Но с течением времени разлом внутри скандинавского общества становится все серьезнее.

Как ни странно, но для Новгорода обе стороны скандинавского мира оказывались приемлемы. Стоя вдали от моря и даже от Ладожского озера, выход из которого надежно запирала Ладога, ильменские грады могли не бояться викингских набегов. В самом худшем случае от них страдали западные «чудские» земли, с которых многие заморские конунги пытались брать дань в свою пользу. Пиратские вожаки в итоге становились из угрозы полезным подспорьем. Именно они селились в Ладоге – безопасном, удаленном от всех врагов оплоте. Именно они нанимались на службу к новгородским князьям, обеспечивая град дополнительной и весьма умелой военной силой. Именно вчерашние викинги, которых никто не ждал по ту сторону моря, искали вместе с новгородцами новых мест поселения на востоке. Наконец, именно из числа знатных скандинавских изгоев, «морских конунгов», можно было избрать в случае необходимости по договору-«ряду» независимого от местных родовых распрей военного вождя для защиты словенских земель – в том числе и от себе подобных. Впрочем, в этом последнем нужда давно миновала. Разноплеменные ладожские дружины сами отправлялись в набеги на Балтику, обогащая грады по Волхову богатой добычей. Ближайшим же и наиболее опасным в прошлом варягам – шведам – «ради мира» платили ежегодный откуп в триста гривен. Невеликая цена за мир, хотя и десятинная добавка к собираемой с Новгородской земли «урочной» дани.

Об обоюдной же выгоде от торговли с мирными норманнами нечего и говорить. Новгород стал для них воротами (пусть не единственными) к богатствам южных земель, Византии и мусульманского Востока. Новгород обогащался сам и обогащал приезжавших купцов. Немалая часть добычи от скандинавских военных и торговых предприятий оседала именно здесь. Так что словене отнюдь не только тратились на скандинавских наемников. Для Скандинавии же почетное прозвище «Хольмгардсфари» – «Ездок в Хольмгард» постепенно становится синонимом торговой удачи и богатства. Как раз около описываемого времени известен один такой «Хольмгардсфари» – норвежец Хравн, скупавший товары в скандинавских землях до самых Фарерских островов и «постоянно» возивший их в Новгород. Среди товаров, которые привозил Хравн в Новгород, были и рабы – немалая ценность по всей языческой Европе. Известен по имени один Хравн, но был он, конечно, не одинок.

Так, трудами своих жителей и привлеченных соседей, креп и богател будущий Великий Новгород. Пусть Полоцк Рогволода пока оставался торговой столицей севера – он обгонял ненамного, и достойный соперник, что называется, дышал в спину. Все это происходило на глазах молодого Владимира. Но о его собственной причастности к рождающемуся процветанию мы можем только догадываться. Летописное повествование следует за подлинными и легендарными подвигами великого князя Святослава на Балканах, затем за судьбами братьев-наследников. О Владимире рассказ начинается только накануне решающей для него схватки за киевский престол. Но можно быть уверенным, что князь, направляемый изощренным умом своего воспитателя, немало трудов вложил в строящийся Новгород. Не этому ли обязан Добрыня прочной и доброй памятью о себе в северных былинах? Может быть, и не только этому – но этому не в последнюю очередь.

Здесь коренится и одно из объяснений того, почему Владимир вырос довольно непохожим на своих предков. Наставляемый Ольгой, он с самого начала получил воспитание не чисто воинское. Добрыня, конечно, надеялся на лучшее – но готовить «робичича» к стезе предводителя ратей казалось делом не слишком благодарным, а то и подозрительным. Владимир, подобно отцу, любил и ценил дружину, умел и сражаться сам, и водить войско. Однако полководцем и воином был, насколько можно судить, не столь яростно-великим, как

Святослав или легендарный Олег. В отличие же от своего деда Игоря Владимир и не пытался выдать себя за такового. От славы он, разумеется, не бежал. Но мирное, строительное новгородское княжение научило молодого князя ценить мир. «Подражая житию» Ольги, которую признавал «мудрейшей из людей», Владимир рано осознал, что выстраивание государства – не меньшая, а то и большая заслуга, чем ратные победы. И именно этому достойному делу посвятил князь всю дальнейшую жизнь, как бы не менялись при том его убеждения и нрав. Уже в ту пору князь прославился справедливостью, щедростью и добротой к подданным, заботясь в первую очередь об их благосостоянии. Спустя три четверти века митрополит Иларион скажет о главном достоинстве Владимира еще в языческие годы: «землю свою пас по правде». Помимо же того, мужающий князь блистал «крепостью и силой», «мужеством и разумом».

То ли в Новгороде, то ли еще до того (если мы сочтем, что Владимир прибыл на Север уже взрослым) молодой князь в первый раз женился. Жену его летопись именует «чехиней» и более того не сообщает. Скандинавские саги называют новгородскую жену Владимира Аллогией. Кое-кто полагает, что это искажение имени Ольги. Но Ольгу еще в X веке (а византийские хронисты и позднее) называли скандинавской формой имени «Эльга», Хельга – так неужели норманнам оно бы запомнилось как-то иначе? Скорее уж это искажение какого-то западноевропейского имени с германским корнем, теперь совершенно нераспознаваемым. В этом случае надо полагать, что жена Владимира была чешкой-христианкой – не неожиданный выбор для воспитанника христианки Ольги.

Другой вопрос – кем была Аллогия (будем все-таки называть ее так) по происхождению? На этот счет строилось немало догадок. Княжну выводили и из полуязыческого княжеского рода белых хорватов, и просто из западных славян в широком смысле. Наконец, допускали сложную политическую интригу, связанную с борьбой Германии, Польши и Чехии, приведшую к браку новгородского князя с чешской княжной из правящего рода Пржемысловичей и затем – к усобице на Руси. Возможно, конечно, все. Выдача христианок, католических принцесс, замуж за языческих правителей давно стала частью политики римского престола. Так была некогда крещена Англия. Так совсем недавно была крещена Польша – как раз через чешскую княжну Добраву, жену гнезненского князя Мешка. Но был ли прок выдавать княжну за «робичича» без перспектив на великокняжеский престол? И почему о том ни слова ни в одном западном источнике?

Думается, что дело обстояло гораздо проще. Аллогия была женою под стать самому Владимиру – рабыней, купленной или полонянкой, хотя и знатного рода. Брак с княжеским сыном для нее означал возвращение свободы. Новгородское вокняжение Владимира – возвращение знатности. Долгое время Аллогия оставалась единственной женой Владимира. От нее родился его первенец. Сын получил славянское имя Вышеслав. Оно не встречалось в роду Рюриковичей и вообще редко на Руси, но отмечено на западе славянского мира – еще одно свидетельство чешского происхождения матери. Так Владимир опередил киевского брата в продолжении рода. Ярополк сыном-наследником долго не обзаводился – может, потому, что в самом деле был моложе, даже гораздо моложе «робичича»? Как бы то ни было, продолжателем династии выглядел именно новгородский князь – знак для киевского злоеший, в чем тот не мог не отдавать себе отчета.

Можно ли было избежать столкновения? Кто знает. Но едва ли честолюбие Добрыни ограничивалось одним Новгородом, особенно теперь, после рождения внучатого племянника. Если даже и так, то новгородская знать, – и родовые «старцы», и дружина, – были достаточно честолюбивы сами. Киев относился к Новгороду с пренебрежением, Полоцк опережал его в росте, перехватывая торговые доходы, – а значит, мирному правлению рано или поздно должен был наступить конец. Буря приближалась независимо от воли Владимира. Но гром грянул не с севера.

Наследство Святослава

Осенью 971 года великий князь русский Святослав возвращался с Болгарской войны в Киев. Позади были два года битв и героических свершений. Свершений, стоивших огромных потерь – и не приведших ни к чему. Болгария оставалась за спиной, и оставалась она победителям, византийцам. О стольном городе Преславе, о власти над Балканами, Венгрией и Чехией можно было забыть.

Что же, в Болгарии Святослав встретил наконец достойного соперника-ратоборца. Византийский император Иоанн Цимисхий, захвативший власть над своей страной как раз в это время, тоже был государем-воителем. В бою он оказывался подчас еще отважнее Святослава – даже вызывал русского князя на поединок и получил презрительный отказ. Но что гораздо ценнее и что точно не заслуживало пренебрежения – Иоанн оказался более искусным полководцем. И более искусным политиком.

Сначала русские побеждали. Разгромив и покорив отложившихся было болгар, Святослав со своими союзниками – венграми и печенегами – двинулся к самому Константинополю. Однако уже в 970 году военная удача отвернулась. Под Аркадиополем Цимисхий остановил натиск «варваров» и вынудил их отступать на север. По пятам шла византийская армия – свежие силы, пришедшие со своим бывшим командующим, а теперь императором из Малой Азии. Цимисхию без особого труда удалось привлечь на свою сторону единоверцев-болгар, оказавшихся во власти язычников. Его войска взяли Преслав. Здесь погиб командовавший гарнизоном Сфенгал – второй по знатности в русской войске после Святослава, его воевода. В 971 году Святослав оказался заперт в придунайской крепости Доростол. После долгих изнурительных боев, стоивших жизни многим русским дружинникам, в том числе новому воеводе Икмору, Святослав решился на переговоры. Лично встретившись с Цимисхием, он согласовал условия относительно почетного мира. С русской стороны его свидетельствовали князь и старый Свенельд, вновь принявший на время руководство дружиной. Договор оставлял Болгарию за Византией, а прежние торговые привилегии – за Русью. Святославу осталась даже военная добыча. Русь ничего не теряла – но признавала поражение.

Русская летопись, основанная на дружинном эпосе, предпочитает поражений не помнить. Уход Святослава из Болгарии предстает едва ли не добровольным. Он будто бы взял с греков «дань» и после этого сам решил вернуться на Русь. Однако причины его указаны верно – у князя оставалось «мало дружины». Верно, скорее всего, и другое. Исполненный мрачного смирения перед византийцами, Святослав вовсе не собирался сдаваться. Рассуждал он так: «Пойду на Русь и приведу дружину».

Тем не менее возобновить и без того дорого стоившую Руси войну за Болгарию Святославу было не суждено. Уже в Доростоле стало известно, что недовольные миром с греками печенеги расторгли союз. Святослав собирался выйти на ладьях в Черное море, а затем подниматься по Днепру, чтобы попасть в Киев быстрее. Свенельд, однако, сказал: «Пойдем, княже, вдоль на конях – ведь в порогах стоят печенеги». Днепровские пороги, где ладьи приходилось перетаскивать волоком, были излюбленным местом атаки кочевников.

При встрече с императором Святослав попросил Цимисхия отправить к печенегам посольство – с тем чтобы они, сами также заключив мир с Византией, пропустили заодно и возвращающихся русов. Император обещал и обещание выполнил. Послом к печенегам отправился епископ Феофил Евхаитский. Он предложил печенежскому хану Куре стать «другом и союзником» Империи, отказаться от разорительных набегов в Болгарию и пропустить Святослава. Первые два предложения Куря принял. От последнего решительно отказался.

Многие ученые в этой связи высказывали догадку – а в популярной литературе она превратилась в странную уверенность – что византийцы, напротив, наняли печенегов против Святослава. Это действительно странно. Источники не только не утверждают ничего подобного, но прямо этому противоречат. Цимисхий мог подозревать Святослава в намерении нарушить договор. Но у печенегов, сложивших немало жизней и лишившихся возможной добычи, резонов нападать на заключившего мир Святослава было гораздо больше. Открытое намерение продолжить войну скорее сразу превратило бы их опять в друзей киевского князя. Самое большее, можно допустить, что Феофил не особенно настаивал на последнем пункте, касавшемся русских.

Но и настаивай он, это ничего бы не дало. Аппетиты Кури уже разожгло другое посольство. Сообщает о нем русская летопись – источник не самый благожелательный к греческой «льстивости», но сейчас полностью с греков ответственность снимающий. К печенегам прибыло посольство из Преслава, от двора несостоявшегося, униженного и Святославом, и Цимисхием болгарского царя Бориса. «Идет через вас Святослав на Русь, – сообщили болгары, – взяв имения много у греков и полон бесчисленный, с малой дружиной».

Другое летописное известие (правда, дошедшее только в поздней передаче польского хрониста) добавляет к возможным виновникам еще и неких «киевлян». Известию этому веры мало. Но полностью сбрасывать его со счетов не следует. Войны князя-завоевателя истощили Русь. Многие давно уже считали, что Святослав «свою землю забросил». В киевской дружине вполне могли найтись охотники даже ценой предательства положить этому конец.

Печенеги Кури немедленно «заступили» пороги. На пороге зимы русские ладьи вошли в днепровское устье – и Святослав узнал о преграде. Он остановился на зимовку неподалеку от устья, в Белобережье. Здесь дружина страшно голодала. «Был голод великий, по полу-гривне голова конская» – замечает летописец. Дружинники, следовательно, покупали друг у друга за греческую добычу коней для пропитания.

По весне Святослав решил идти в бой. Можно было, конечно, попытаться обойти печенежскую заставу посуху – даже с поредевшей за голодные месяцы конницей. Но это было не в духе киевского князя. Как многие северные воители – будь то скандинавы или славяне – он ежедневно готовился умереть с мечом в руке. И не бежал от смерти. Речь, сказанная Святославом перед одной из битв с греками, достойно прозвучала бы и в последний день его жизни: «Уже нам некуда деться – волей или неволей встанем супротив. Да не посраим земли Русской, но ляжем костями тут. Мертвые ведь срама не имут, а если побегим, то срам обречем. Так что не побегим, но встанем крепко, я же перед вами пойду. Если моя глава ляжет, то промыслите о себе». Тогда воины ответили: «Где, княже, глава твоя, тут и наши головы сложим». Сражаться в отчаянии и вопреки ему, смотреть в глаза гибели и ее приветствовать – таков был закон Древнего Севера, знающего, что сам мир богов в вечной борьбе неудержимо катится в ночь и гибель.

Изнуренное, умалившееся и все еще нагруженное добычей войско поднялось к порогам – и Куря атаковал. Святослав сражался храбро и упорно, но был обречен. Древние летописи кратки в описании последнего боя. Подробности появляются в письменных памятниках позже – как стесненное войско обратилось в бегство, как Святослав пытался остановить их и сражался едва ли не один. Наконец он то ли погиб на поле боя, то ли был захвачен живым в плен и тут же убит. Куря по степному обычаю приказал отрубить князю голову и сделать из черепа чашу. Долго еще он пил из нее.

Вывавшиеся из печенежской засады остатки дружины собрались под начальством Свенельда. Он и привел их в Киев – тех немногих, кто уцелел из большой рати, уведенной Святославом на Балканы. Летопись – редкий случай – ничего не говорит о скорби по убитом князе в Киеве. Киеву и так было кого оплакивать. Благодаря Святославу Русь стяжала

немалую славу. Но понесла и огромные потери. Лихой воитель и одаренный полководец, Святослав завоевателем оказался гораздо менее удачливым. Из своих приобретений он мало что удержал. Так что первыми ощущениями большинства современников после его гибели, должно быть, явились ожесточение и разочарование. Но в дружинных сказаниях Святослав остался, не мог не остаться, подлинным героем – и этот-то образ перешел в летописи.

Потери, вместе с тем, больше всего ударили как раз по дружине. Святослав увел с собой по ту сторону Дуная и жизни цвет русского войска, наиболее близких княжескому дому, знатнейших мужей. Пусть имена Сфенгала и Икмора не отмечены в русских летописях – достаточно того, что они оказались известны даже врагу. Свенельд уцелел одним из немногих. Но он в ту пору был уже стариком не менее чем 70 лет – ведь служил Игорю воеводой уже в 930-х годах. Аристократии первых Рюриковичей, родовитым выходцам с Севера, пришел конец.

Кто же мог заменить потери? Пришлая династия по-прежнему не могла полагаться на местную знать. Дети родовых «господ» и «старцев», конечно, служили в княжеских дружинах, вливаясь в число бояр. Но отчуждение не могло исчезнуть сразу даже в Киеве. Так что главной опорой молодых князей очутилась младшая дружина, доступ в которую оставался открыт людям любого происхождения – была бы княжья милость. Собственно, только младшую дружину Святослав им и оставил. В массе своей младшие дружинники были уже славянами, хотя и наемные варяги относились к ней же. Незнатный славянин оказывался для князя гораздо лучшим и более верным слугой, чем родовитый «старец» или княжеский свойственник из «заморья».

Дружину Ярополка возглавлял Блуд. Имя это смущало умы первых русских историков нового времени – но ничего странного в нем нет, оно в славянских языках известно. Имя просто указывало на то, что новый киевский воевода являлся незаконнорожденным. В прежние времена оказаться на самом верху общественной лестницы для него было бы вряд ли возможно – как и для холопа Добрыни. Балканский поход Святослава такую дорогу открыл.

Но как раз когда Блуд после гибели Сфенгала и Икмора с полным правом приступил к обязанностям киевского воеводы, в Киев вернулся Свенельд. Свенельд, давно сложивший с себя воеводский сан, не оттеснил Блуда формально. Но фактически сразу стал главным советником Ярополка. Молодой князь, хотя и приближал к себе незнатных дружинников, не мог игнорировать советы старого боярина – даже, и особенно, если тот остался одним из немногих осколков прежней русской знати. Для Блуда же, должно быть, временная потеря только что обретенного статуса – первого на Руси после князя – оказалась весьма болезненна.

Гибель Святослава автоматически делала киевского князя Ярополка великим князем русским. Насколько братья признавали его старшинство и главенство, не очень ясно. Указаний Святослава на этот счет не существовало – он рассматривал Киев лишь как один из уделов своей будущей империи. Ярополк и не склонен был утверждать свои права силой. Он также воспитывался Ольгой и высоко ценил мир. О каких-либо внешних войнах в его правление ничего неизвестно. Не только потому, что силы Руси были истощены. Ярополк стремился наладить мирные отношения с христианскими государствами. Ничего достоверного о его интересе к христианству не известно, но следует помнить, что женою его (вопрос – насколько любимой) была угнанная Святославом из монастыря «грекиня».

В 973 году посольство от Ярополка побывало в Германии. 23 марта этого года русские послы присутствовали в Кведлинбурге на имперском сейме – пасхальной встрече императора с высшей знатью. О чем велись переговоры с императором Оттоном, неизвестно. Видимо, Ярополк просто пытался после разрыва и кровавой войны с Византией возобновить связи с Западом. Есть мнение, что была достигнута договоренность о династическом браке русского князя в расчете на его крещение. В доказательство приводится одно позднее

и недатированное известие о женитьбе некоего «короля ругов» на родственнице императора. Но что мы достоверно знаем о Ярополке – так это то, что был он не только язычник, но и многоженец. Отдавать за него высокородную немку вряд ли стали бы, даже в столь радужных видах. В упомянутом же известии (много позже мы к нему вернемся) «королем» чаще считают Владимира.

Впрочем, какие-то немецкие или итальянские миссионеры на Руси в ту пору все-таки побывали. Они донесли до Запада чрезвычайно искаженные в позднейшей передаче слухи о русских усобицах. По этим смутным и неверным данным, Ярополк вроде бы действительно благоволил к христианам и собирался даже принять крещение. Братья же его, ревностные язычники, якобы противились этому и осуждали князя. Так ли было – неведомо. Христианином Ярополк определенно не стал. Владимир действительно ревностно относился к «отчему преданию», а Олег нам с этой стороны решительно никак не известен.

Дальнейшие события датировать непросто. Уже упоминалось о том, что дата вокняжения Владимира в Киеве расходится. Разница составляет два года – речь идет либо о 978-м, либо о 980 году. Последний вариант вошел в летописи, а через них – и в большинство общих трудов по русской истории. Но первую дату приводит Иаков Мних, и его показания гораздо точнее. Они совпадают и со сведениями о рождении сыновей Владимира. Однако Иаков же первым совершил ошибку, породившую путаницу. Написав, будто Владимир сел в Киев через восемь лет после смерти Святослава, он спутал годы правления Ярополка с годами после гибели его отца. Но Ярополк правил в Киеве не с весны 972-го, а с осени 969 года. Позднейшие летописцы, зная правильную дату смерти Святослава, высчитали вокняжение Владимира по-своему. Но как датировались в древнейшем сказании события времен правления самого Ярополка? Если по годам княжения, то, значит, и они в летописи сместились на два года вперед. Такая версия выглядит вполне логично, так что из нее и будем исходить.

Распря между Святославичами началась в сезон полюдья, в последние месяцы 973 года. После раздела державы Ольги ее реформы остались в силе в землях Ярополка и Владимира. Здесь на места по-прежнему выезжали княжеские приближенные, сборщики дани, а к ним на укрепленные погосты свозили «повоз». Но в небольшом древлянском княжестве оказалось возможно возродить старое княжеское полюдье – пышный ритуал, сопровождавшийся объездом всех владений и загонной охотой, «ловами».

Такой «лов» и совершал в положенный срок Олег Святославич в своих Деревах – древлянском лесном массиве, вплотную подступавшем с запада к киевским Полям. Княжеский «лов» являлся священным действием, закреплявшим сверхъестественную власть владыки, потомка небесных богов, над землей и ее тварями. Во время его уничтожалась всякая попадавшаяся живность, включая домашний скот даже самых знатных людей. Эта священная суть охоты в сезон полюдья легко объясняет все произошедшее далее.

Гон древлянского князя находился где-то близко от рубежа Полей, когда Олег, к своему изумлению и раздражению, узрел мчащую через лес за зверем чужую охоту. Перебивать княжескую добычу само по себе являлось кощунством. В этой же пограничной полосе речь шла о посягательстве на рубежи. «Кто это такой?» – спросил князь. «Свенельдич», – ответили ему, разведав, приближенные.

То был Лют Свенельдич, знатный киевский боярин и сын Игоревя воеводы. Выехав из Киева, он устроил свой «лов» и теперь дерзко вторгся в самые Деревя. Может быть, Лют увлекся охотой и не заметил рубежа. А может, его действия были сознательным вызовом, проверкой молодого древлянского князя на прочность. Лют едва ли забыл, как Игорь некогда передал его отцу право сбора древлянской дани. При Ольге Свенельд и Свенельдичи голоса поднимать не смели. Но теперь, быть может, настала пора вернуть кормление? Если дело действительно происходило в пору сбора дани, вызов усугублялся.

Все это, конечно, знал и понимал также сам Олег. Он воспринял вторжение Люта именно как посягательство на свои владения. Помчавшись со своей дружиной вслед за охотниками, он внезапно напал на них. Завязалась схватка, и Лют погиб.

Вести об этом тут же достигли Киева. Ярополк был разгневан гибелью своего боярина. Были или нет у него разногласия с Олегом по поводу западных проповедников – теперь между братьями действительно возникла «ненависть». Ее всячески разжигал и усугублял Свенельд. Желая отомстить за сына, он внушал Ярополку: «Пойди на брата своего, и примешь власть его». Свенельд открыто призывал князя вновь покорить древлян – быть может, рассчитывая вернуть все-таки себе и своему потомству древлянскую дань. Еще один сын, Мстиша, у него оставался.

Не сразу поддался Ярополк. Память о данной отцу клятве и верность кровным узам какое-то время пересиливали гнев. Но наконец в 975 году убеждения Свенельда подействовали. В роду Рюриковичей впервые разгорелась распря, впервые брат пошел войной на брата. Винить здесь одного Свенельда едва ли следует. Родовые связи слабели перед лицом племенного и нарождающегося государственного интереса. Древляне оставались врагами полян и Руси, пока оставались независимы. Олег эту независимость проявил. И с точки зрения Киева должен был за это поплатиться. Так что Свенельд был, скорее всего, не одинок в своих уговорах. И именно это почти два года спустя после убийства Люта решило дело.

Войска Ярополка вступили в Деревскую землю, направляясь к Вручому. Олег собрал свое войско и выступил против брата. Где-то недалеко от княжеского града древлян произошло решающее сражение. Ярополк одержал победу, как и бывало обычно в открытых сражениях киевской рати с древлянами. Олег и его войско побежали к граду. Вручий был защищен деревянной стеной с единственными воротами и глубоким рвом, через который к воротам вел мост. Что произошло дальше, неясно – и в этом мало удивительного. Летопись рассказывает, что на узком для бегущего древлянского ополчения мосту началась чудовищная давка. Люди спихивали друг друга в ров, пытаясь дорваться до спасительных ворот. Многие падали вместе с конями. В суматохе бегства кто-то толкнул в ров и самого князя. Олег упал в ров, и его вскоре завалили другие упавшие – кони и люди. Согласно же Иакову Мниху, мост проломился под толпой бегущих, и Олег рухнул вниз тогда. Груда искалеченных тел раздавила живого еще князя.

По следам бегущих древлян в город вступила рать Ярополка. Не встречая более сопротивления, Ярополк «приял власть» брата. После этого он послал разыскивать его. Судя по дальнейшему, князь отнюдь не собирался расправляться с побежденным. Братоубийств среди Рюриковичей пока не случалось. Но розыски древлянского князя результатов не дали. Наконец один древлянин сказал: «Видел я вчера, как спихнули его с моста».

Ярополк послал своих людей расчистить ров. С рассвета до полудня киевляне извлекали из рва трупы вчерашних врагов. Наконец в самой глубине под завалами тел обнаружили Олега. Найдя его, тело вынесли и положили на ковер. Ярополк пришел к обнаруженному телу и, узнав брата, разрыдался. «Вот, – воскликнул он, обращаясь к Свенельду, – этого-то ты и хотел!»

Олега похоронили здесь же, под стенами Вручего. Курган его показывали еще спустя десятилетия. Хотя само тело князь Ярослав Мудрый позднее выкопал и перенес в Киев. Наследников у Олега не осталось. Правда, поздние чешские историки уверяют, будто своего единственного сына, тоже Олега, князь отправил в Чехию, и ссылаются при этом на «древнейшие русские анналы». К Олегу Олеговичу возводила свой род одна из моравских дворянских фамилий XVI–XVII веков. Но именно это подрывает доверие к легенде. В «древнейших русских анналах», скорее всего, содержалось только известие о погибшем без детей и лишенном отцовского наследства древнем Рюриковиче – подходящий кандидат для возводившего себя к каким-то старинным русским изгнанникам моравского рода.

Итак, Олег погиб, не оставив наследников. И Ярополк с полным законным основанием, пусть и оплакав брата, принял власть над Деревской землей. Что касается Свенельда, то он ненадолго пережил свое торжество. К 978 году старого воеводы уже в живых не было, что неудивительно с учетом его возраста. Ярополк вопреки собственным устремлениям оказался правителем большей части отцовского наследия, и правителем самостоятельным. Препятствием оставался только Владимиров Новгород, и Владимир быстро это понял.

Олав

Пока на юге разворачивалась невиданная прежде среди Рюриковичей распря, в Новгороде длилось безмятежное и мирное правление Владимира. Он следил за происходящим между братьями, но до поры это его не тревожило. Из всех событий этого мирного периода упоминание на страницах истории заслужило только появление рядом с Владимиром норвежского княжича Олава Трюгвасона.

Хронология саг еще менее надежна, чем хронология русских летописей. Дата рождения Олава сильно колеблется – хотя в диапазоне «всего лишь» десяти лет. Не так уж много, сравнительно с Владимиром или Святославом. Но излишне много для историка, пытающегося построить последовательный рассказ о событиях тех лет. Ведь об Олаве на Руси – а именно это нас интересует – твердо сообщается лишь то, что попал он туда в девятилетнем возрасте. Будем исходить из того, что наиболее раннее повествование об Олаве относит его рождение к 963 году. Следовательно, появление его в Новгороде следует датировать 972-м, годом смерти Святослава.

Среди служивших Владимиру варягов был знатный норвежец Сигурд Эйриксон. Он пользовался доверием князя, входил в число его приближенных и, помимо прочего, посылался за данью к подвластным Новгороду племенам. Сага, разумеется, несколько преувеличивает влияние Сигурда, утверждая, что он не только получил от Владимира какой-то «лен» (может быть, кормление?), но и вел все дела князя, собирая дань со «всех областей». Кажется, она приписывает ему прерогативы Добрыни, о котором вообще ничего не знает.

Сестра Сигурда, Астрид, вышла замуж за Трюгви, конунга из династии Инглингов, правившего в богатой южнонорвежской области Вик. Трюгви приходилось с ожесточением отстаивать свои владения и их независимость против многочисленных посягательств как сородичей, так и других соперников. Наконец, в 963-м или в 966 году он погиб в борьбе с верховным норвежским конунгом, своим двоюродным братом Харальдом Серой Шкурой. Астрид бежала на запад, на Оркнейские острова, где следы ее потерялись. Ей требовалось спасти своего малолетнего сына Олава не только от людей Харальда, но и от недавнего союзника его отца – ярла Хакона из рода Халейгов. Тот намеревался истребить правящий род Инглингов и завладеть властью над Норвегией.

В сезон полюдя в конце 972 года Сигурд отправился за данью в земли чуди или, по-норманнски, в Эстланд. Объезжая с приданной дружиной эстские поселения, он следил за тем, чтобы дань была уплачена с каждого «дыма» – домохозяйства – один из действительно известных на Руси способов ее сбора, мягкий по сравнению с практиковавшейся на собственном словенских землях данью «от мужа». В одном из домов Эйрик не застал работавшего в поле хозяина, но обнаружил играющих детей. Один девятилетний мальчик почти приветствовал его. Сигурд был поражен его обхождением и с симпатией сказал: «То вижу я, добрый мальчик, что ты ничуть не похож на местных жителей, внешностью или речью. Теперь скажи мне имя свое, и род, и родину». { Здесь и далее «Сага об Олаве» в различных редакциях цитируется по изданию: Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Т. 1. М., 1993. }

Ответ был: «Олавом зовусь я, и Норег – моя родина, род мой – королевский». Сигурд опять спросил: «Каково имя твоего отца или матери?». Олав ответил: «Трюгви зовется мой отец, и Астрид – мать». Сигурд, начавший понимать, спросил еще: «Чьей дочерью была твоя мать?» Олав сказал: «Она была дочерью Эйрика из Опростадира, могущественного человека». Обрадованный Сигурд соскочил с коня и расцеловал мальчика. «Я брат твоей матери, – воскликнул он, – и определенно это радостный день, когда мы здесь встретились!»

Сигурд стал расспрашивать Олава о том, как тот оказался в Эстланде. Что помнил и мог рассказать о своих злоключениях в возрасте девяти лет реальный Олав, нам теперь не узнать. Впрочем, по старейшей из пространных саг о нем, его судьбу делил мальчик постарше, и он мог рассказать больше. Как бы то ни было, мы располагаем только расходящимися версиями саг. По самой старой, содержащейся в самых древних и кратких из саговых сводок, Астрид, узнав о том, что ярл Хакон плетет козни против ее ребенка, вверила его судьбу воспитателю Торольву Вшивобородому и тайно отправила с Оркнейев. Сама она осталась там, поскольку скрыть собственный отъезд сочла невозможным. Торольв отправился в Швецию через собственные земли ярла Хакона, северонорвежский Трандхейм, и «через величайшие опасности» прибыл наконец в безопасные шведские земли. Оттуда, однако, он вознамерился поехать на Русь, где жили его родичи. Течение отнесло корабль Торольва к берегам Эстланда. Около острова Эйсюсла (Сааремаа), известной пиратской обители, на корабль напали разбойники-эсты. В завязавшемся бою Торольв был убит, Олав же захвачен и продан в рабство.

Последующие саги, однако, расцвечивают картину несчастий мальчика новыми подробностями. Какие-то из них могут быть и достоверны, но какие-то – явно вымышлены. Так, создатель цитированной ранее пространной саги, монах Одд, отправляет вместе с Олавом на восток и его мать, вопреки ясным свидетельствам более ранних источников. Ее якобы тогда же захватили эсты и продали отдельно от сына. Сообщение это восходит к семейным преданиям одного богатого южнонорвежского рода, основатель коего будто бы выкупил Астрид и на ней женился. Тот же Одд упрощает сюжет, утверждая, будто Торольв отправлялся не к какой-то своей родне, а к Сигурду (более ранние саги даже имени Сигурда не называют).

Олава якобы дважды перепродавали. Сперва его держал при себе некий Клеркон – пират, убивший Торольва на глазах у ребенка. Наиболее поздние версии добавляют, будто Торольв пал не в бою, а был убит Клерконом позже – разбойник счел, что он слишком стар для продажи в рабство. Затем за «необычайно хорошего козла» Олава купил другой эст, с подозрительно похожим именем Клерк. Следующим и последним хозяином Олава, давшим за него «драгоценную одежду» – плащ, был Эрес. О нем сообщаются уже некоторые, хотя и сомнительные, подробности – имя жены Рекон и сына Реаса. Вместе с Олавом перепродавали сына Торольва, Торгильса, который был чуть старше. Эрес относился к Олаву очень хорошо. Он ни в чем не отказывал мальчику и растил его вместе со своими детьми, отнюдь не как невольника.

Сколько лет провел Олав в Эстланде, неясно. По наиболее частой в сагах версии, он прожил там шесть лет, то есть попал в плен в три года. Но по другой, и одной из самых ранних, три года ему было в момент смерти отца. Торольв же прожил в Швеции некоторое время, прежде чем отправиться в злосчастную поездку за Балтику.

Возвращаемся теперь к повествованию пространной саги. Услышав от Олава обо всем происшедшем, Сигурд спросил: «Хочешь ты теперь, родич, чтобы я купил тебя у твоего хозяина, и ты бы не был больше у него в неволе и услужении?» «Мне теперь стало хорошо, – ответил Олав, – по сравнению с тем, что раньше, но я очень хотел бы быть освобожденным отсюда, если бы мой брат по воспитанию был освобожден из рабства и поехал бы он со мной прочь». Сигурд обещал ничего не пожалеть для такого исхода.

Между тем Эрес вернулся домой. После положенных приветствий – а хозяин встретил княжеского посланца с глубоким почтением – Сигурд предложил продать двух мальчиков «за любую цену». «Я теперь тотчас заплачу за них», – поручился он. Эрес, однако, ответил: «Я продам старшего мальчика, как мы договоримся, а младший у меня не для продажи, потому что он умнее и даже красивее, и его я люблю много больше, и мне трудно расстаться с ним. И я не продам его, кроме как по большой цене». «Как высоко поднимется цена?» – решительно спросил Сигурд. Эрес стал отнекиваться, но под натиском норманна не устоял. Уговорились на том, что за Торгильса Сигурд дал марку золота, а за Олава – девять, и то Эрес принял их

без охоты. Скандинавская марка (около 218 г) равнялась примерно четырем новгородским гривнам. Сорок (не золотых) гривен – стандартный выкуп «за голову» на Руси.

Вместе с обоими детьми Сигурд покинул Эстланд и вернулся в Новгород. Здесь он тайне воспитывал Олава у себя дома. Варяг опасался, что непрошеное воспитание иностранного королевича вызовет княжеский гнев. Так что немногие знали о происхождении Олава. Поздние саги придумывают даже особый русский закон, «что там не полагалось воспитывать сына конунга из иноземного рода или из далекого государства без ведома самого конунга», то есть русского князя. «Закон» мог и существовать – как негласное и неписаное, всем без слов понятное правило приличия. Ясно, что воспитание столь родовитых изгнанников и претендентов вполне могло привести и к международным осложнениям, и даже к войне. Харальд же Серая Шкура, конунг Норвегии, пусть и занятый постоянно внутренними распрями, славился как дерзкий викинг, не раз нападавший на чужие края.

Так прошло три года. Когда Олаву исполнилось двенадцать, однажды на новгородском торгу он встретил эста, вооруженного боевым топором. Олав узнал топор своего воспитателя Торольва. Он начал расспрашивать о происхождении оружия. Эст беззаботно похвастался перед отроком, и тот вскоре понял, что перед ним убийца Торольва. Олав попросил топор и, взяв его в руки, рубанул эста. Враг упал замертво. Произошло это посреди торга, на глазах у огромной толпы народа. Зная о суровых русских законах, защищающих приезжих гостей, Олав бежал на двор к княгине – надо думать, не без совета Сигурда. Княгиня, узнав обо всем, и вправду вступилась за Олава, настаивая на справедливости убийства. Поскольку кровная месть по русским законам также была оправданна, Владимир не только помиловал Олава, но и похвалил его, сочтя поступок «небывалым», а удар «очень славным» для двенадцатилетнего отрока. Он позволил Олаву остаться в Новгороде, а вскоре усыновил его.

Так описывают событие самые ранние повествования. Большинство позднейших следуют за ними, лишь добавляя подробности. Так, поскольку в поздних сагах Клеркон убивал Торольва на глазах у Олава, то никакого топора Олаву для опознания уже не требовалось. К княгине Аллогии Олава отводит здесь – что логично – Сигурд. Далее разворачивается целая масштабная сцена защиты юного мстителя. Аллогия созывает вооруженных дружинников, толпа народа несется к ее двору, чтоб покарать Олава. Князь со своим «войском» бросается между сторонами, предотвращая сражение, и устраивает мир. Виру вместо Олава платит княгиня (никакой речи о вине в ранних сагах нет, Олава просто сочли справедливым кровником – в точности по тогдашнему русскому праву). Сигурд рассказывает княгине, кто такой Олав, и она уговаривает Владимира взять того «под покровительство».

Одд же рассказывает совершенно иную историю, в которой о самой возможности наказания его героя не заходит и речи. Верить здесь его саге не слишком следует, но интересна она тем, как скандинавский монах в ней представляет Древнюю Русь времен язычества. История мести изложена здесь подробно, но она не столь важна для рассказчика. Узнав Клеркона на торгу, Олав и Торгильс поспешно вернулись домой и сообщили об этом Сигурду. Олав попросил помощи у воспитателя. Сигурд с большим отрядом явился на торг, схватил Клеркона и вывел его за город. А там Олав выступил мстителем и палачом, отрубив голову эсту.

Принятие Олава при дворе Владимира у Одда никак не связано с местью. Якобы мать Владимира, языческая «пророчица», еще в год рождения Олава предсказала его прибытие на Русь и великие блага, которые он ей принесет. На Руси вообще было «много прорицателей» – картина достаточно достоверная, если иметь в виду новгородских языческих волхвов. Те вещали, уже по прибытии Олава, что страну посетили «духи-хранители», несказанно «светлые», знатного чужеземца. В год мести Олава Аллогия, «умнейшая из всех женщин», попросила Владимира созвать вече со всех окрестностей. Князь согласился на просьбу жены. Аллогия обходила людей, заглядывая им в глаза и пытаясь определить обладателя «светлого

духа». Только на третий день, когда князь под угрозой велел прийти действительно всем, обнаружился мальчик «в плохой одежде» – Олав. Аллогия сразу определила, что вещуны имели в виду его. Когда Олав открыл князю и княгине свое происхождение, они обрадовались еще больше и приняли его на воспитание как собственного сына. Олав, – здесь все подробные саги, разумеется, согласны, – опережал всех сверстников, а в воинской доблести и уме сравнялся с самыми опытными мужами.

История достаточно красивая и объяснимая для создателя саги-жития, хотя и до странного благожелательная к языческим предвещаниям. Но первая, непритязательная и мрачноватая, вызывает больше доверия. Случайно обнаруживший себя и уже обладающий задатками воина отрок пришелся к новгородскому двору как нельзя кстати, безо всяких сверхъестественных побуждений. Как раз в 975 году пал Харальд Серая Шкура, и власть над Норвегией перешла к ярлу Хакону. За влияние над страной соперничали две партии, датская и шведская. Хакон представлял датскую. Он не стал принимать титул конунга, а признал таковым датского Харальда Синезубого.

Если со Швецией у Руси сложились относительно добрососедские отношения, то с Данией не было вообще никаких. Когда же датская морская держава начала усиливаться в западных морях, претендуя на Норвегию и Англию, то отношения сразу возникли и оказались весьма натянутыми. Датчане – единственный из скандинавских народов, не упоминающийся особо в русских летописях. Странно, поскольку в IX веке датские викинги были частыми и не враждебными гостями в Ладоге и в Поильменье. Наверное, не нужно рассуждать только о средневековой «геополитике» – в конечном счете Русь не притязала на роль владычицы северных морей и до поры не сталкивалась с Данией напрямую в Прибалтике. Корни наставшего к X веку отчуждения могут быть скорее в области генеалогии. Следует вспомнить, что имя «Хрёрик», «Рерик», «Рюрик» было родовым в древней династии Скьёльдунгов, которых свергли и отчасти истребили правившие ныне Данией Кнютлинги. А сами Кнютлинги возводили свой род к славянским князьям, которые владели «Хольмгардом» задолго до появления Рюриковичей. Так что вражда между теми и другими может восходить в темные глубины кровных распрей племенной эпохи – распрей, оставшихся вне памяти и понимания и летописцев, и саготворцев.

Отсюда ясно, что претендент на норвежский престол Владимиру пригодился бы. Борьба за Норвегию, в любом случае, позволяла держать датских викингов подальше от рубежей Руси и ее данников. Но вырастить из Олава еще лучшего воина и отправить его отвоевывать родные земли у Владимира, Добрыни и Аллогии времени не оказалось. Более того, пришлось искать убежища самим. В том же 975 году Ярополк невольно погубил Олега и захватил его княжество.

Схватка за север

Узнав о происшедшем на юге, Владимир с Добрыней раздумывали недолго. Гибель Олега они восприняли как нечто большее, чем только месть Свенельда. Отчетливо проступило стремление киевской дружины – а в конечном счете и самого Ярополка – объединить Русь под своей властью, вернуться к единой державной Ольги и Святослава. К этому и сводились наущения Свенельда. Если Ярополк внял им однажды, то почему бы и дальше ему не действовать в том же духе? Конечно, Новгород был не единственной ожидаемой целью. На Руси оставалось еще немало «всякого княжья». Но Владимир, как сын Святослава, не мог не поразиться первому в роду Рюриковичей братоубийству и не представить себя живо следующей жертвой. Князь новгородский «убоялся» и, погрузившись с приближенными на корабли, бежал «за море».

Путь он держал, конечно, в ближайшие и союзные варяжские области – в Швецию или на Готланд. Дания враждебна, а в Норвегии новоявленному приемному отцу Олава Трюггвасона (тем более самому юному королевичу) делать нечего. С собой Владимир увел верную часть дружины и рассчитывал пополнить ее за счет скандинавских наемников. Так что вез он с собой и немало казны. Монах Одд сообщает в своей саге, что именно в 12 лет Олав совершил свой первый поход, якобы получив от приемного отца корабль и отряд воинов. За этой хвалебной сказкой при желании можно увидеть реальность – то самое бегство из Новгорода. По всеобщему обыкновению тех лет, знатные изгои пополняли в дороге припасы и средства грабежом прибрежных областей. Тогда-то норвежский королевич и должен был получить первый боевой опыт. В 12 лет, как оно и положено на Руси и в Скандинавии.

Ярополк не отказался от сделанного Владимиром «подарка». Узнав еще до исхода года о бегстве брата, он немедленно отправил в Новгород своих посадников (именно нескольких, не менее двоих). Лишнее доказательство того, что к захвату Новгорода князь киевский действительно был готов – по крайней мере морально. После гибели родного брата едва ли он стал бы особенно скорбеть об уделе и даже жизни сводного «робичича». Прибавление власти возбуждало жажду еще большей. «И стал владеть один в Руси», – подытоживает победы Ярополка летописец.

Впрочем, до реального единовластия Ярополку было еще далеко. На Руси, повторим, еще оставалось немало князей, в том числе «великих». В Полоцке княжил Рогволод, в Турове – Туры. Собственное княжение, как полагают многие ученые, сохранялось еще на Левобережье Днепра, в Чернигове. Здесь правила отдаленная родня Рюриковичей. Дань Ярополку не платили радимичи. После же гибели Святослава отложились покоренные именно им – и только ему, со своей точки зрения, данью обязанные – вятичи. В западных землях, на Волыни, выросли собственные княжества, стольные грады которых, превращавшиеся в города, размерами (если не богатством) соперничали уже с Киевом и превосходили Полоцк. И помимо этого, у всех подвластных Киеву племен сохранялись свои «княжения» с мелким «княжьем» во главе.

Теперь, однако, с киевским князем как с великим князем русским начали считаться и независимые доселе соседи. Даже Рогволод Полоцкий искал с ним союза и готов был признать верховную власть Киева. Можно было не опасаться миролюбивой Ольги и ищущего дальних краев Святослава. Но теперь Киев обратил оружие внутрь Руси, и каждому надлежало сделать свой выбор. Выгоды складывавшейся ситуации Ярополк использовать не успел – как не успел и показать, насколько способен справиться с подступающими проблемами и стать подлинным «самовластцем» Руси.

Правление посадников Ярополка в Новгороде закончилось уже краткое время спустя. Весной или в начале лета 976 года Владимир вернулся с варяжским наемным войском. При-

быв в Новгород, он не встретил ни малейшего сопротивления. Ни новгородские люди, ни дружина с Городища не собирались сражаться со своим князем за Ярополка. Сойдя на новгородский берег, Владимир просто призвал к себе посадников Ярополка и заявил им: «Идите к брату моему и так скажите ему: Идет Владимир на тебя, выстраивайся к бою с ним». Посадников упрашивать не пришлось. Они покинули Новгород и поспешили на юг с грозными вестями.

В изгнании, наняв свежие силы, Владимир – не без влияния решительного и честолюбивого Добрыни, главного движителя всех дальнейших событий – решил более не бежать от опасности. Если Киев угрожал Владимиру, следовало самому нанести удар. Это было бы и мстью за брата Олега – сколь бы ни скорбел Ярополк, гибель эта оставалась на его совести. Конечно, в идее мести за Олега можно увидеть долю лицемерия – едва ли Владимир питал к нему более теплые чувства, чем к Ярополку. Но, с другой стороны, первая кровь, пролитая между Рюриковичами, должна была потрясти всю Русь, и не меньше самих Рюриковичей. Чужих им, вроде Рогволода, это побуждало скорее, во избежание худшей доли, пристроиться к победителю. Но в своих, живущих по закону кровного единства и кровной мести, – возбуждало жажду мстить. С точки зрения княжеского права и родового закона прав был Олег, и не делом Ярополка являлось мстить за чужие «обиды». Если же Ярополк вывел себя за пределы кровного закона, то мстителем оставался один Владимир – пусть «робичич», пусть сводный, но брат. К этому взывало «отчее предание», а Владимир в те годы служил ему беззаветно. Победа же сулила киевский престол.

Перед этой целью давнишние наставления Ольги, пытавшейся привить внуку христианские добродетели, поблекли и забылись. Владимир, ведомый и наставляемый не боящимся войны Добрыней, весь отдался потоку междоусобной брани. Добрый правитель Новгорода превратился в безжалостного даже к побежденным врагам ратоборца – нередкое и даже одобряемое явление в ту эпоху. Но даже в эти месяцы Владимир вполне мог полагать, что «подражает житию» бабки. Только подражал он Ольге-язычнице, жестоко отмстившей за гибель мужа мятежным древлянам.

Воевать с Киевом силами одного Новгорода, даже с приведенной варяжской подмогой, Владимир и Добрыня не решались. Нельзя было оставлять в тылу союзный Ярополку Полоцк. Полочане в ту пору превосходили ильменцев не только богатством, но и живой силой. К тому же Полоцк, стольный град независимых кривичей, мог обрести влияние и на Смоленск, и на Псков с Изборском, и на Людин конец самого Новгорода. Пока для кривичской знати «находник» Рогволод был не ближе Рюриковичей. Кривичи – не только новгородские – приняли сторону более близкого и доказавшего свою силу первым успехом Владимира. Но все же со всех точек зрения требовалось перетянуть на свою сторону и Рогволода, а в идеале – заручиться его военной поддержкой.

У Рогволода, помимо двух сыновей, от жены-княгини имелась дочь на выданье. Носила она скандинавское имя Рагнид – по-русски Рогнедь или Рогнеда. Решение, которое могло обеспечить прочную поддержку Полоцка, напрашивалось – как для Владимира, так и для Ярополка. В пору полюдья, поздней осенью и зимой, на Руси заключали браки – в том числе «вели» дев из местной знати за великих князей. Для Рогволода теперь действительно настала пора сделать выбор, в ситуации более острой, чем год назад. Выбор между Киевом и отложившимся Новгородом. От этого выбор полоцкого князя зависел весь расклад сил на Руси.

Накануне сезона полюдья, в конце лета или уже в начале осени 976 года, Владимир по совету Добрыни отправил в Полоцк послами своих дружинников-«отроков». Они передали Рогволоду послание своего князя: «Хочу взять дочь твою женою себе». Рогволод в ответ спросил у своей дочери: «Хочешь ли за Владимира?» «Не хочу я разувать робичича, – ответила Рогнеда, – но Ярополка хочу». Гордая княжна имела в виду русский свадебный обряд, в котором невеста разувает жениха.

Ответ дочери полностью совпадал с устремлениями самого Рогволода, который уже вел переговоры с Киевом. Так что дело закончилось, новгородские отроки вернулись несолоно хлебавши. Князю своему они смогли лишь слово в слово передать надменный ответ полоцкой княжны.

Владимира охватил гнев. Он не без попреков переложил все Добрыне. Если о князе в летописи сказано, что он «разгневался», то о Добрыне – что он «исполнился ярости». Напоминание о рабском происхождении для него было еще оскорбительнее, чем для воспитанника. Всякая политическая изощренность отступила перед жаждой мести. Насмешливое же сравнение с Ярополком, думается, окончательно определило судьбу киевского князя. Соперник должен был быть не просто свергнут, а уничтожен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.